

Анатолий Сендер

РАЗВОЛНОВАННЫЕ КРЫЛЬЯ

Стихи

Минск
Издатель А.Н. Вараксин
2009

ББК 821.161.1(476)-1
УДК 84(4Бей=Рус)-5
С31

Сендер, А. Н.

С31 Разволнованные крылья : стихи / Анатолий Сендер. — Минск : А. Н. Вараксин, 2009. — 304 с.

ISBN 978-985-6929-04-8.

Анатолий Никифорович Сендер являет собой интереснейшую фигуру русской поэзии начала XXI века. Творчество автора, отмеченное яркой индивидуальностью, находит живой отклик у современной читательской публики. Произрастая из идей Бодлера и Ницше, первых французских символистов, поэт был и остается математически точным в создании и трактовке образов, пронзительным в передаче чувств, трогательным в озвучивании ощущений.

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бей=Рус)-5

ISBN 978-985-6929-04-8

© Сендер А.Н., 2009

© Оформление.

Издатель А. Н. Вараксин, 2009

*Любимому внуку Богдану —
Посвящается*

ПРОЛОГ

Поэзия А. Сендера проста и глубокомысленна, светла и жизнерадостна. Возникнув из небытия, восстав из пепла смертельного заболевания, она успешно развивается и блистает на обломках, казалось бы, мертвой ирреальности, личностной духовной глухонемоты, зацветающей на щедрой ниве самопознания. Герои его стихов полны грусти и веселья, страдания и любви, у каждого находишь непростой характер, обнаруживаешь яркую индивидуальность. За простотой и бесхитростью человеческой жизни просматриваются высокие романтические чувства. Их мотивы печали и скорби, неподдающиеся однозначному толкованию, постепенно вытесняются ощущением радости будничной жизни.

Мелодичная изящность поэтического мастерства, неповторимая интонация в соче-

тании с естественной непосредственностью языка богов, признаются даже теми, кто продолжает приветствовать другого поэта «надменной улыбкой». Думаю, время вспомнить и перефразировать лаконичную запись в одном из дневников А. Блока без пояснений: «Единственность Анатолия Сендера», как поэта исключительного своеобразия, как бы «ручной работы» ангелов небесных, удостоенного и названного расплывчатым словом «музыка». Поэта, определяющего себя как пращура русского декадентства, мастера, не нуждающегося в чрезмерном литературном пиетете. Есть в его строчках нечто неуловимо причудливое, странно мистическое. Каюсь, но в моей душе в связи с этим появляются кое-какие предположения об особенном пророческом и провидческом даре.

А. Сендер относится к той редкой породе мастеров слова, суть которых совпадает с их нарочитым литературным обликом. Что само по себе большая редкость. Языкотворец не пытается изобразить того человека, каким он, в сущности, не является. Хотя Иннокентий Анненский утверждал, что в литературе, поэзии

«Надо выдумать себя». Но не будем углубляться и спорить о частных случаях. Ведь сухая печаль, характерная для тех, кто рыдает внутри, бесконечно далекая от слезливости и брюзжания, только украшает истинного поэта. Скажем так, боль всегда поднимается из потаенных глубин его натуры, а там томление о несбыточном счастье, потустороннем времени, там ностальгия о смутных звуках небесных. И поэт слышит эти звуки, и поэт знает о существовании людей, улавливающих эти звуки, таящие загадочную противоречивость сердца и ума...

Родословная

Гляди в окно ты, дважды прадед,
Ты мне неведом и незрим.
Лети ты, Федор, имя в правде,
Ты именно и пилигрим.
И ты, четырежды праправнук,
Шли пилигриму словеса...
Иди, мой внук, гуди о правде,
Ты голос, логос, голоса.
Ты, Федор, в небе много видишь,
Поведай сыну своему
И коль Иосиф-то в обиде,
Праправнук плачется ему.
Праправнук шлет истошный возглас,
Слова, значительнее нет.
И пряно осенью, промозгло,
Твой рядом сын, ему привет!
Мой дед, по-царски необычный,
Тебе праправнука-то смех.
Блюдя свой род и чтя обычай,
Отца-то видишь среди всех?
Отец усталый, упокойся,
Глаза у правнука умны.
Зовем его любовно «Бося»,
Он и в меня, еще в иных.

Еще скажи, нешумно охнув,
Что Миша, Федор и Семен?
Глядят ли Саша с Леной в окна?
Иные как там без имен?
Известно же и, безусловно,
Я поминаю семь колен,
По разрешенью свыше словно,
Смотри сюда, коли не лень.
Почти лихие ваши битвы,
Сотри обидчивости слог,
Все славы ваши внуком виты,
А тени ваши, знайте срок.
Мой дважды прадед, поколение
Неповторимое зачав,
Прости времен преодоление
И поминай тебя свеча.
И шесть свечей в воображеньи
Горите медленно в пылу.
Внук, унимая напряжение,
Резвится славно на полу.
И тьма в окне глядится строго,
И мне отрадно и светло,
И в небеса видна дорога,
За утомленное стекло...

Где-то и Родина мысленно мечется,
Где-то Отчизна в лесах и степях...
Где, расскажите, родное Отечество,
Но запинается дух у тебя...
Но вспоминается странно и поровну —
Счастье рождения, первые сны...
На ковыли забираешься — здорово
И замираешь у чувства весны.
И рассыпаешься в росы серебряно,
И золотишься в хребте становом...
Вырос, оврагов-то сколько перебрано,
Сколько друзей унесло синевой...
Здесь-то и чувство причастности
главное,
Здесь и отечески бьется родник...
Не замути его шествие плавное,
Не подведи уверенье родни.
Не зачинайся, вздыхая по-зимнему,
Не затеряйся в судьбе до поры...
Но собирайся и мальчику сильному —
Внуку на Родину путь отвори...

Скуку будней возлюби,
Приведи тщету в упадок.
Вырви вянущий люпин,
У могилы возле сада.
Стебли пыльные любя,
Помяни с любовью прочих.
Долго помни про себя,
Забывай себя, короче...

Те дрожали недалече,
Передумывали речи,
Замирали у святилищ.
Не разору, ясно, смуты,
Задушевному кому-то,
Те, светильники, светили.
Те мерцали у травинок,
Те не верили в провинность,
Те любили насекомых.
Те любви и были эхом,
Те лечили горько смехом
И любили незнакомо...

Родного сада ветками,
Родни моей заветами,
Свети родимый свод.
Побелкою фасадною,
Удачами, досадами,
Кто, собственно, зовет?
За выемки журчащие,
В акации, что чащею,
Ветвятся у дождя.
К родне за стены темные,
В мои края бездомные,
К тебе, моя вражда.
К тебе, меня враждебного,
Седого и почтенного,
А плоть уже слаба.
К тебе, мое Отечество,
Зовет и сердце мечется,
Но кто, моя судьба?

Кочки высятся низин,
В облака влекутся глуби...
Изъявление думы глупой
Умно стелется вблизи.
Гибче лоз исток ее
И легко ее течение,
А ее густые тени —
Тьма и свет, и бытие.
А душа ее травы —
И зародыши, и топи...
Ниже лозы бьются в стопы,
Выше думы головы...

Где кротки жизни лозы,
Где долги сердца слезы,
Ты коротко скорби:
Внутри земного круга
Люби крота и друга,
В глуши его судьбы.
Где почву потрясая,
Несется он, красавец,
За ним и я иду,
Живя живее прочих,
Во тьме земли и ночи,
У света на виду...

По склону крутому породы
В луга пробирайся с утра...
Туда и уносятся годы,
И там — увядание трав.
И там отправляется в небо
Душа неизменно права,
В места черно-белого хлеба,
В тревожно земные слова.
По склону породы и выше,
По дыму дымящей трубы,
За светлые отчие крыши,
В закатные дали судьбы.
А там и появится скоро
У луга двоюродный брат,
Рыдая про пьяное горе,
Про то, как он осени рад...

Что еще весной удумал,
Выйдя в изморось у дуба,
На дубовую листву?
На ее рассвет унылый,
На закат опять же милый,
В образ и по существу.
У возни ее мышиною,
У невидимой вершины,
Возле дуба у болот,
В утре измороси поздней,
Прежде смерти, жизни после,
Или же наоборот...

У места забвения предка,
Создателя счастья и благ,
Всегда ты являешься редко,
Потомок по имени флаг.
И видишься ты между веток,
Прозрачную плотью вдали.
Душа твоя, полная светом,
Ложится не выше земли.
А тень твоя — точно седая,
В низине теряется, все ж,
Когда ты бессильно рыдая,
К отцу состраданье несешь...

Это власти воздвижение,
Это люди тихо пришлые,
Из-за них одни лишения,
Птицы вымерли за крышами.
Из-за них ушли источники,
Ослабели силы главные.
Из-за них и полуночники,
Растрясли слова желанные.
Из-за них и упование —
Это власти сила брeнная,
Из-за них и расставание —
Это счастье наше тленное...

Храни черту в аспекте жреческом,
Живи, не ведая богов,
Звени, ступая по отечески,
Вериги трогая оков.
В страданье делай том открытие,
Теряйся в образе времен,
Шуми в пространства непокрытые
О правде лжи, что ты умен...
Что ты у жречества главенствуешь,
Что ты значительней отца...
Ты изреки одно приветствие,
Молчанье чувствуя крыльца.
Едва отца запомни мимику
И дважды уличную грязь,
Едва жреца зови по имени
Времен усиливая связь...

На рассвете золотом,
Скука жизни в кои веки,
На лице немолодом,
Угасанье в человеке.
И ни страсти, ни огня,
Боли тленье, но незримо.
И ни ночи и ни дня,
Темноты пустое имя...

Что спешишь у мглы услышать,
Что кричишь о тишине,
Тени мглистые колыша,
На сосцы смотря жене?
Что же мгла, она и рада,
Что у правды лжива роль,
Что у жизненного сада,
Увяданье, словно боль.
Словно счастье у молельни,
А в несчастье бьешься сам,
Словно ты во тьме аллеи,
Прикасаешься к сосцам.
Сонно катишься по склону,
Видишь огненные сны,
И выплакивая стоны,
И любя сосцы жены...

Вскипая, тьма в могиле предка
Бурлит отчаянно в грязи
И освещается нередко,
И переменчива вблизи.
И к предку жажда обратиться,
Во тьме могилы и во мгле,
Темно лететь усталой птицей,
Крылами биться на стекле.
Смущать отчаянное детство,
Кипенье трогать облаков,
К утру в зарю переодеться,
Вскипая в кипени веков.

Душа ты Отечества смелая,
Страдаешь у серого хлама,
Ютишься, что татьба умелая,
Что паства с хоругвями прямо.
Что мифы первичные яствами,
Они, что и предки, забыты,
Что тати рыдают за паствою,
О жизни скрывая обиды...

Вполне затемненному солнцу,
Волнению светлому грез,
Луне, серебрящей оконце,
Смеюсь и легко, и всерьез.
Читаю судьбы фолианты,
Предчувствую истину, Русь,
Свои золотые таланты,
Сминаю в смятенную грусть.
Мечтаю о солнечной пище,
Гляжу у ночного стекла,
На борозды осени нищей,
На землю, что счастье дала...

На распутье дерева,
Постижение времен...
На распутье — горевать
У безвременья имен.
Стало быть, и не совет,
Стало быть, и существуй.
На распутье — путь и свет,
Два пути по существу.
Дни и ночи, времена,
Воды тьмы, молва не врет.
Не распутье имена
Не распутать мне, народ...

Ни весны, ни капли смеха,
Только голая трава,
Только жизненная вежа,
Только смерти дерева.
Только страсти оскудели,
Обнищали чувства вдруг,
Только холодно в постели
И в постели вечной друг.
И ее ты не избегнешь,
И ни смеха, ни весны,
Ни реальности, ни бездны,
Только радужные сны.
Только сны во сне кому-то,
Про высокий жизни свет,
Только радостная смута,
Оттого, что смерти нет...

У родни зарю влачу
И прошу благословенья:
И болезному плечу,
И семье обыкновенно.
И Отчизне, наконец,
Я прошу любви, не славы.
А у мамы — у крылец,
Встреча сына и державы.
А у папочки, правей,
Чисто черви дождевые,
Тени вьются по траве,
За тропинки путевые.
А за прошлое, учти,
Откровенно между нами,
Полсудьбы плачу почти,
Непочтительными снами...

Весенние думы омоют унынье,
Священные тайны зачнутся ночами.
А я заподозрю задумки иные,
А я докажу невиновность начала.
А я отведу дождевые истоки,
Пропавшие зерна заброшу на пашню.
А годы в снопы перевяжут итоги,
Роняя стога на суглинок вчерашний.
А время дождями в погоню помчится,
Колосья увяжутся тайною, верьте.
А в борозды радости спустятся птицы
И чувство любви, и предчувствие
смерти...

На вершине мастерства,
Не кружи тебя листва,
Ты и так уныло скорблен.
И в тебе не столько скорби,
Сколько скорбные слова.
На вершине для души
Слово скорби не скажи,
Ты для этого и послан,
Человеческий апостол
Одиночества глуши.
Ты лишь этого держись,
На вершине смерть и жизнь,
Опиши, желтя листвою,
Как ты бьешься головою,
На вершину опершись...

А за прихоть остро чувствовать,
А за жажду чуда чуткого,
Накатила сердца страсть.
Болью больно огорошила,
На луга свела хорошие,
Уняла как будто страх.
Повела на небо мирное,
Подарила слово лирное,
Обрядила — кисея...
Мысли теша непокорные,
Небеса смеша упорные,
Красоту Руси всяя...

Мои начинаются корни,
Где птице пристало кричать,
Где нивы родные покорны,
Где молвит о счастье греча.
Про сладкое лето в исходе,
Про горечь — одна полынья.
Про страхи, откуда восходят,
Про тени еще воронья.
Где птичьи вещания громки,
Где тихие песни гречи.
Где корни у жизненной кромки,
Вонзаются прямо в ключи.
Где сердцу сердиться противно,
Где страсти любимая речь.
Где шепчется птица про диво,
Маня на Отчизну истечь...

По-людски кричала дверца,
Протекала худо крыша...
Мои предки, в дымке версий,
Пили чай, меня колыша.
У начала родового,
Было эпоса явленье,
Слыло истиною слово
И мое возникновенье.
У безлюдного отрога,
У беспмятного эха,
После страстного пролога,
После ветреного смеха...

Петельное кряхтенье,
Замочная нуда.
Засова тарахтенье,
Увала ерунда.
За ним еще крылечко,
За ним и утра дым.
За ними недалече,
Брожу я молодым.
Мелю себе пристойно,
Что есть на языке,
Живу себе достойно
С душой накоротке...

Имя-отчество из пыли,
Думы, доля, белый свет.
Анатолий, годы выли,
В истечение зим и лет,
Анатолий, мчался, птица,
Дальше неба, выше туч.
То ли думая гордиться,
То ли крикнув, я могуч!
То ли истинно блистали
Небо, солнце и земля.
То ли счастье — имя дали,
То ли отчество суля...

Ты божился, было это,
Ты иной судьбою забран.
Ты остался при поэтах,
Желтизною старых яблонь.
Ты терялся в цвете белом —
На тропе любви не сладко —
Ты бросался в страсти смело,
Ненавидя зло и гадко...
И бренчали триолеты,
Множа яблочные строки.
И ложились листья света,
На осенние пороги.
И сады звучали гулко,
И ветра ночами выли,
Поминая переулка
Желто яблочные были...

Река взбухала посредине
И было весело жене.
Река перечила рутине
И рокотала тишине.
Река пузырила забавно,
Жена играла пузырем.
Судьба перечила недавно
Рекой, супругою, зарей.
Судьба звала тебя, мой лучик,
К реке багрово родовой.
Заря блистала речки лучше,
Звала любимая домой.
Река закручивала тени,
Жене, рутине супротив,
Мое укачивая бденье,
Любви моей не укротив...

Живи со мною долго в браке,
Судьба судьбы, душа души,
Роди мне сына, дочь и страхи,
Не изменяй и не греши.
Роди мне первенца и внука,
Любви душа, судьба пути.
Живую страсть утиши, ну-ка,
Живее, старость, отпусти.
На все четыре направленья:
Измены чувство, страсть греха...
Не разводишься со мной из лени,
Судьба любви, пути река.
Дай нашептаться с внуком утром,
Дай сну присниться на закат,
Где по судьбе шагаю мудро,
Где ты ревнуешь из-за хат...

Надо же, грязи на склоне,
Осень ушла, наконец.
Надо же, низко в поклоне,
Ждет у калитки отец.
Надо же, чувствуя нечто,
Страсть ощущению врет.
Надо же, внучка, конечно,
С мамой стоит у ворот.

Едва на отливы фронтона,
Спускаются тени темны,
Тоска материнского стона
Доносится из-за стены.
Едва ль отворяются чувства,
Слезу состраданья храня.
Еда поглощается чутко,
И мама глядится в меня.
И, кажется, мама капризна,
И кашицу снова не ест.
И как же тоски укоризна
В отливы впивается, в жесть.
И как же душе моей больно,
И как ощущение вины,
Тоску отрясая невольно,
Доносится из-за стены...

Уродни к исходу ночи
Угли трогаю в печи,
Спину тру, смежая очи,
За пургой не сплю в ночи.
За спиною тьма рассвета,
Не болит уже живот.
За пургою в гуще веток,
Поминание живет.
А за ветреностью лютой
Покаяние в душе.
Плачу в сердце, слезы лью-то
И смотрю настороже:
На мое исчезновенье,
На пургу и дню вдогон,
На родню, и рвутся звенья,
Руша уголья в огонь...

Страсть игры во мне колотится,
Страсть моя во мне легка...
Мама, словно богородица,
Все глядит издалека.
Мне шепча мольбою внутренней,
Иногда грозя перстом,
Уходя зарею утренней,
В платье ситцево простом.
В переулочки не видные,
За футбольные века,
Помня промахи обидные
И голы издалека...

Зато у крыши лужа,
А в шифере пролом...
Зато и отчий дом,
И сердце бьется, слушай.
Зато оно в груди,
Скорбит, еще стеная...
За то, что мать больная,
За то еще грусти...

В краю, где времечко прошло,
Где все по-доброму на зло,
Где худо бедностью снесло,
Где страсти вспыхивали кровель,
Не время злиться на судьбу,
В саду латая городьбу,
Плутая мысленно во лбу,
Грозя родне, желая крови.
И злобу эту не унять,
По краю двигается мать,
Полы прохладные опять,
Больны суставы — к непогоде.
Неправда гасится в дому,
Не страшно гордому уму,
Что годы мчатся к одному,
В краю, где время на исходе...

Не страхи — настороженно —
Сосны высокий гул...
У сопки растревожено —
Движенье божье skulls.
У сопки предка веянье,
Покой же, Отче, сны...
Но праха дуновение,
Смятение сосны.
Но мрачное речение
Разносится в глуши,
За странное крещение
Мятущейся души.
За счастье духа вечное,
За новую мораль,
За годы скоротечные,
Но-но, не умирай...

Не дрова резвятся в печке,
Но душа в огне гудит.
Языки в печи, что свечки,
Что страдание в груди.
Что беспмятное детство,
Что родимая земля...
Далеко в огни взглядеться —
То — вдали темны поля.
То вблизи душа худая
Бьется бедная о грудь.
То глава моя седая
И, однако же, не грусть.
И одно любви обличье,
И забытые слова...
Что-то долго в счастье личном,
Разгораются дрова...

Бессилье нечем-то лечить,
Бессилье надо понимать.
Передвигай себе ключи,
Перебирай вещички, мать.
Перебегай едва-едва,
Вести себе, похорошев,
Что разбредаются года,
Что свет искрится по душе.
И вещью вечности считай,
Их веще чужая, свет очей.
Ты, мама, вечности чета,
А ключ от хаты-то ничей.
И ничего не кажется ложь,
Полы гнилые — те звучней.
В бессилье силу-то поймешь,
Сказать-то некому о ней...

Я брат его внука, я сын его сына,
Я радости скука, я слабости сила.
Я дочки племянник его позабытой,
Ее и помянем, но тема избита.
Но темная дверца из памяти — настезь!
Я внук его сердца, я чадо династий.
Я мука по роду, я рода теченье.
Я речка болоту, я чуда значенье.
Я речи наука из памяти-сини —
Я брат его внука, я сын его сына...

Мама смотрится в кого-то,
Пребывая в забытии:
«Толя, сын, испей компота,
Пообедай до пяти...»
Только это я не слышу,
Замедляю я ходьбу.
Только все резвятся мыши,
Прогрызая городьбу.
Только стол еще не прибран,
Только это все равно...
Мама сны мешая хрипло:
«В кухне, — шепчет-то, — темно».
Мама плачется на гряды,
На устои старины,
Вековой печали радость
Тихо трет о бурьяны...

Эти темно ветвистые гулы,
Эти слухи лихие шумов,
Эти явно живые фигуры
Узнаю по свеченью умов.
По единому — тихому сбору,
По прощальному слову двора,
Про седую и темную пору,
Что еще зеленела вчера.
Что еще и углы озаряла,
Дотемна веселила умы...
До чего же молва озорная
Собирала печально шумы?
Для чего же дворовые муки,
Затирая муку дотемна,
Опускали усталые руки,
Накануне тревожного сна?

В хату отчую не въехать,
Видно, мне не по пути.
Хата отчая, что веха,
Бесконечного пути.
Вега первая по сути,
Время хату поминать.
Потчуй горницу во всю ты,
Долго вглядывайся в мать.
И спроси, тепла ли печка,
Холодна ли, отчего?
И закрадывайся вечность,
Бельевою бечевою.
И захлопывайся туго
Перекошенная дверь...
Хата отчая, подруга,
Молода еще, поверь...

В тоске оживая и плача, и смеха,
Весеннего солнца, дымящего снега,
Ступая на борозды, те, что рядами,
Слова зазвучали усталою песнью,
Сердца трепетали за певчею вестью,
Теплели рассветы, светля холодами.
Смятенье души изводя на разоры,
Браня песнопенье, пеня на зори,
Вечернего дня и ночного веселья,
Рыдая ручьями разумно и вздорно,
Себя самое возрождая повторно,
Слова наполняя, пустые доселе...

Глянь же, мамочка, в окно,
Дом колодцем односкатным,
Лебеда, дождя раскаты,
В том и памяти темно.
Глянь в окно, Отчизна мать,
Веселится зыбка гроба.
Слышу, мама, чувство грома,
Воле свойской, что внимать?
Грянь усталостью врасплох
И разглядывай, да мало ль?
Из окна не видно, мама,
Кто хорош, а кто-то плох.
Из окна одна вода,
У окна, гляди-ка, птица...
Не беда, как говорится,
К счастью, только лебеда...

Мама, выслушай вину,
Упокой меня ко сну.
Мама, тьмы несется вой,
Сны бичуя бечевой.
Мама, страшно у примет,
Страху долго ли греметь?
Сердцу страху ли внимать?
Мама где, жива ли мать?

Но если риторически,
Ничтожно мне панически,
Ничто мое могущество...
И что же, очищение?
Семейное общение,
Деление имущества!
Хламье у дома папино,
Мое лишь утро в крапину,
А что еще, не ведомо,
Да что же, все сестрицыно,
Бессмысленно все, истинно,
С обидными обедами...

До конца судьбы не зная,
В перепутье, на пути,
Ты пойми, душа родная,
Тишину не обойти.
Не объять ее и духом,
Бередя ветрами тишь,
Голося души недугом,
Да всего не разглядишь.
Не увидишь и виденья,
Не спасешься у пурги,
Путевое провиденье
И спаси, и помоги:
Окати смиренье веток,
Напусти на дни ветра,
Путь отчизны до рассвета,
Перепутье до утра.
И лесная мне темница,
И оснеженная тишь,
И судьба уже не снится,
И любви не разглядишь...

Пытайся подняться на небо,
Скользи по ночному лучу,
У поля тернистого хлеба
И дальше спеши по ручью.
Его подражая теченью,
Души вдохновенья лови,
Доверься судьбы назначенью,
Лети в небеса по любви.
Приемля души очертанье,
Сули процветанье земле...
Твоими влекутся чертами,
Суглинки, подобные мгле.
И слезы, что катятся влажно,
В небесное горе судеб,
И поле, что смотрится важно,
И луч, ускользящий в степь.
Подняться на небо пытаясь,
Слегка осветляя чело,
Тебя небесами питая,
Покою земному назло...

Толкуя превратно Орфея,
Игривые Музы уста,
По страсти томление вея,
В пути утомляют, устав,
Свергая небесные звуки,
Изменой душе пригрозив,
Предшествуя творчеству муки,
Ложатся светло по грязи,
Со свитком и грифелем злобы,
Вощенной дощечкой добра,
Твой путь начиная особый,
Тебя в содроганье пробрав...

Пустые пространства исполнены мглой,
Стекаая на землю в небесное поле,
Откуда впиваются в сердце иглой,
Глаголы судьбы молчаливою болью.
Той силою духа и скукой словес,
Той самой мольбою возносятся всюду.
И трепетно в сердце вонзается весть,
Еще разбивая на счастье посуду.
Еще ощущая и мглу на зубах,
Еще и пространства страшась, исполина.
Еще не дается понятие «судьба»,
Во мгле совершается путь ее длинный.
И мгла непроглядна, иначе нельзя,
И речи слышны, но едва различимы...
И сердце в пустые пространства скользя,
Стремится за правдою лжи без причины...

Огня новизны не утратив,
Не смерти желая, поверь,
Холодные поздние страсти,
Заводят ума круговерть.
Устало плетут измышленья
По темному снегу любви.
Но сердце усталое в лени,
Но позднее счастье в крови.
Но смертные шепоты кротки,
Но краткое слово уйми...
Огонь обагрйся короткий,
Окликни и будто детьми.
И будто бы внука улыбка,
И в миг отворяется суть.
Но сути бессмертие хрипло
Зовет обязательно в путь.
Но судное воображенья
Кладет упоительно слог,
На холод огня прегрешенья,
На страсти смертельное зло...

У колодца души человеческой,
У холодного сруба и тьмы,
Мне стрелы кочевое увечье
Да унылые ветры зимы.
Да проселка родимые крыши,
Да земли обгорелый осот.
Я души заклинание слышу,
И стрелу завыванье несет.
И душа разрывается вдвое,
Окровавлено бьется о свет.
Да крошится гнездо родовое
И колодца-то, в сущности, нет.
Да стучатся сердца аритмично,
Заглушая молчанье и страх.
Да смеются ветра неприлично,
Напоя поцелуи в устах.
Да горьки нелюбимые губы,
Что потрава стрелы кочевой.
Да увечье забытого сруба,
А в душе у души ничего...

Топчи высоченные склоны,
Весны пересиливай мрак,
Спиною прозрачно зеленой,
Скрывая желтеющий страх.
Стекая в угли и за печью,
В древесные лики огня,
Где поздние страсти трепещут,
На склоне текущего дня.
Во мраке земного позыва,
У страха и горести грез,
Где счастье последнее живо,
Где сердцу покойно у слез...

Сильное ветра каченье,
Слабое страсти значенье
И середина пути...
И завершение века,
А впереди человека,
То, от чего не уйти.
То, что семейные козни,
Точно в страдании позднем,
Грешное дело, следы.
И покаяние спуска,
И понимание узко
Недалеко у беды.
Нож — обязательно в спину,
Ровно пути половину
Проговорили уста.
Но за усталостью тела,
Счастья душе захотелось,
Ровно полвека спустя...

В миры иные птица манит,
В забвенье смерти костяной,
Суля мне счастье на обмане,
Любви и ненависти зной.
Но мира призраки потешны
Не принимают, увы...
В миры стремится птица спешно,
В морозы зимней синевы.
В легенду духа, из которой
Народы некогда взошли,
В лихие чувства страсти скорой,
Воспоминанья ты не зли.
Мотивы жизни вечной чужа,
Ища бессмертия мотив...
Скажи мне, птица, что хочу я,
Перо крыла твое схватив?
Храня обычай стародавний,
Любя особенности тьмы,
Что сами образы страданий
Мне птицу шлют в лице зимы?

Крик опавшего листа,
Звук изящного глагола.
Только тайна не чиста,
Окончанье, грязь и голо.
Только светится исток,
Смысл его непреходящий.
Только год идет и сто,
В листике животворящем.
Только слезы льются — тишь,
Плач уже несется смело,
Только к осени летишь,
Опадая неумело...

Тако́е сюже́та нача́ло
И та́йну его́ по́ясни...
Она́ не ви́дна за но́чами,
Она́ — на́зывается́ сны.
И нра́в ее́ про́сится в сло́ги,
И мра́к ее́ — и́стина е́сть.
Найди́ о́бъясне́нье до́роге,
Держу́ я па́ри — э́то пе́снь.
Мо́тив, умиле́нье, о́катыш,
Найде́ныш О́тчизны́ та́кой,
По́рыв ее́ о́гненной́ ха́ты,
Мяте́жность ее́ хо́доков.
Забы́той э́похи ти́сненье,
Дрожа́щий мо́тива сю́жет,
Нача́ло ду́ши, о́бъясне́нья
И я́вная та́йна в ду́ше...

Жил я сладко, сытно ел я,
Птичкой звался, не шутя.
Изведя картинно тело,
Не ломался на шута.
Не сподобился паяца,
Не стремился до царей...
Ну, чего же мне бояться,
Хорониться на заре?
Ну, чего же гнуться тьмою
И наполниться с утра:
И достатком, и сумою,
Вроде рваного ведра.
Изнывая без привычки,
Жить отчизною одной,
Вроде падающей птички
На картине кружевной...

Несчастно и горько смотрело лицо,
Сиротство обижено сбило морщины.
И часто шатала тревога крыльцо,
И дергала сильная мука мужчину.
И слабая радость о силе мужской,
Тревожно дыша, на характер влияла.
И слепо очей обдавала тоской,
И кости ломило, ни много, ни мало.
Но грянуло вящее время дымком,
Холодной тоской затянуло у печки,
Сиротство — семьей, запустенье —
замком,
А боли — целеньем, а беды, что свечки.
А годы тревожно горели во сне,
А сны поминали родимые лица,
А лица тревогу пополнили мне,
А веды велели душевно молиться.
Слова обещали не сбиться с пути,
Стуча по крыльцу, уходила подружка,
Несчастье шептало, ее отпусти,
Сиротство рыдало во сне на подушках...

Лист упал, судьбу напомнил,
Речку времени явил.
Листик, истиною полный,
Из последних вился сил.
И пытался ухватиться,
Уцепиться за ладонь...
Ты, израненный, что птица,
Бьешься ты, мой золотой.
Кружишь истово по лисьи,
Полнотою страсти льнешь,
В именную речку листьев,
Пролистав за правдой ложь.
В жерло памяти — судьбину —
Указанием перста...
Птица осень бьется в спину,
Тишиной того листа...

А вы, края сосновые,
А руки ваши лапчатые.
А очи ваши — совами,
А вы исстари начаты.
А мы из млада початы,
А мы слепые сызмальства.
А вы, гляди, игольчатые,
Осматривайся, сизо-то.
Оглядывайся, голо-то,
Раздумчиво по краю-то.
Стволы желты, что золото,
И думается праведно.
Что истина у Бога-то,
Что возраста парение.
Что годы-бури покато,
А ну — мое прозрение...

Легли буреломы вповалку и наскоро,
Восстали дома, возведенные накороть,
Пошли у любви возгораться глаза.
Зеленые чада воспрянули присные,
Утихли раздоры души ненавистные,
И крикнули снова любви голоса.
О том же разладе, о том же смятении,
О том же чудесно шепнули видении,
О том, что земная судьба хороша.
О том же и стать, увядая, воскликнула,
О том, что беспмятство полное ликами,
На том и любовь обретала душа...

Ты древо мое мировое,
На счастье ты бьешься о дни,
Ложись в деянье травую,
Роняешься ты за огни.
За редко потешные чащи,
Продетое в мира ушко,
В уста отдаешься горчайше,
Любя наслажденье тишком.
Детали приемля не смеха,
Не днями приветствуя нас,
Но страстью любви и успеха,
На возрасте, бьющемся в наст.

Внутри души одна прохлада,
Уныло в холоде ее...
К утру, в снегу играя сада,
Душевно вьется воронье.
В душе ни счастье и не горе,
Уныло сердцу на ветру...
Уже и сладостная горечь
Поспела, нежа поутру.
Уже тщета обыкновенно
Снегами носится с утра...
Уже душа не дерзновенна,
Еще не смертная пора...

И безмолвны словеса,
И бессонны те сосонники...
Лживо правда нависай,
Чти мои ночные сонники.
Что пугающие рвы,
Что изломанные лапники.
Редколесье, изорви,
Мни изношенные ватники.
Вейся холодно ватин,
Плоть уже давно не греется...
В словеса, душа, войди,
Что в страданье погорелица.
В слово божье, что за смех,
Уходи, неправда лживая,
В сны являться не посмей,
Бессловесною поживою...

Кочки издерганы, ночи изорваны,
Травы сухие, ростки волосатые.
Очи ничейные грезятся взорами,
Веси родимые мнутся посадами.
Кочки следами глядятся копытными,
Рваные помнятся дни сухостоями,
Грешными думами, чувствами бытными,
Дымными весями, смертными стонами.
А за посадами клики ничейные,
А на века искушенья богатствами,
Ратными битвами неизреченными,
Днями степными, кровавыми ханствами.

Легко пробирайся за чашу сосны,
Слегка оцарапав отечные брови...
На пне воцаряйся, некрепко усни,
Следы оставляя запекшейся крови.
За это смягчаются идолы чаш
И годы лесные твои лихолетий,
И вдребезги бьют изобилие чаш,
На счастье, на миг одаря столетья:
Кому легковерье, кому-то хоругвь,
Кому убеждений слепое сомненье...
Таежные боги ютятся вокруг,
По мне отмечая особое мненье.
По капельке крови, на полымя дня,
На царство небесное грешному телу,
По пышному снегу в убогости пня,
В разумности века по божьему делу...

Кровью полынь обагрят,
Солнце родимого края,
Чувство окатит огнем.
Женская будто персона
Перевернется спросонья,
Скажет о счастье, о нем...
Сказанное и свершится,
Сонно закружится птица,
Из-за счастливого дня.
Обозначая значенье,
Ненависти изречение,
Чудо любви и огня.
Чувство усталого вида
Не потревожит обида,
Время любви полыхнет,
Некоей страстью единой,
Немощью скуки рутинной,
Горько в крови полыньей...

Остались одни у души впечатления,
Восстали лесами, почили за тьмой.
Устали уста у молчального тления,
У пыла, зовущего прямо домой.
И стали видны за деревьями домики,
И дни впечатленные снами пошли.
И тленные молча напомнили томики,
Извечную пыль домовитой земли.
И пыльные тени мелькали страницами,
И вещая слава стекала в рассвет.
И ярко душа полыхала зарницами,
И тихо творила потомку завет...

Приоткрывается преданье,
И начинается страданье:
Скольжу очами по лицу.
Брожу на эпосе семейном
И вижу Софью у имения,
Супругу деда по отцу.
Она и миф о превращенье,
Она судьбы круговращенье,
Сознанье памятью пои,
Она лучится, словно солнце,
Она, шепчу по роду сонно,
Она, прапращурсы мои...

Ты жажду испытывал часто,
Суля вдохновенье душе.
Ты скоро забрался в несчастье,
Отчасти несчастный уже.
Причастие путая с пыткой,
А встречу с разлукою, друг,
Хмельно угощая напитком,
Разумное сея вокруг.
Себя привечая, героя,
Меня не любя, простеца,
Ступени ломая порою,
У края чужого крыльца...

Ветры летели настырные,
Громы гремели надмирные,
Ливни завывали поверху,
Молнии били, поверь.
Прочили ливни изгнание,
Мысли легли в мироздание.
Знания хлынули ввысь,
За молчаливую мысль.
За откровенье — разгадкой,
Будто бы клюквою сладкою,
Страсть утолили в мирах.
Пусто осунулся страх.
Будто бы кислую клюквою,
Будто бы гнутою буквою,
В ливни летела вода,
Била клюкою беда.
Будто болотного идола,
Яркая молния выдала,
Будто упала клюка,
И громыхнули века...

По ухабистой округе, за дрожащими
ручьями,
Ты рыдала безутешно, застилала небо
очи,
И туманно дни разлуки пеленали тьму
ночами,
И волшебнo поминали упоительные
ночи.
Ты вбегала, чисто ангел,
разволнованные крылья,
Мне светля чело доуки, разбивая тьму
на счастье.
Ты мела осколки горя, хлопнув
искренности былью,
Гулко топая душою, изводя судьбу на
части.
Исчезая за ручьями, уходя на солнце
прямо,
Унося любви надежду, по осенней
грусти веток.
Ты зарею истекала, принимая форму
храма,
На сочащейся основе, серебря росу
рассвета...

Тело к душе прививай же молитвенно,
Мне без Отчизны-то не возмогу.
То камыши веселятся безлиственно,
То непокойный вдали хохотун.
То залихватское слышится, высеки,
Только камыш-то его и сберег...
Дело житейское, тело на выселки,
Дух и душа на холме поперек.
Дело пути замоли же, угодница,
Плавно, Отчизна, шепни, роду быть...
В плавни гони меня, дурнопогодица,
Проходи, проведи, продуби.
Дело и слово, и прочее крошево,
Тело крепи и швырни меня мгла,
Чтобы душа собрала все хорошее,
Чтобы Отчизна в пути сберегла...

Вот и очами затронули зимы,
Снежную нежно крутя круговерть,
Вот и тревожные думы пронзили,
Грешному времени крикнули: «Смерть!»
Вот они думы — дымы за домами,
Вот они, зимы, летящие вдоль.
Вот и живое вещание мамы,
Старенькой мамы живая юдоль.
Вот и о «Смерти» заплакали крыши,
Вот я, имярек, несущийся вспять...
Вот я о жизни рассказы услышал,
Зимнее ложе покликало спать.
Вот и снега зазывали обманом,
Мамины окна смотрели на дни.
Вот и очами слепили — туманом —
Были бессмертные зимы одни...

Мчись же, весточка о смерти,
Улети во время вспять,
Пеленами круговерти
Поверни судьбу опять.
Щелкни, Господи, перстами,
Бденье крестное уйми.
Крикни, бабушка, устами,
Тени путая с детьми.
Бей ухватами обычно
И лепи себе хлеба.
Глянь, Евгений, сын, набычась,
Снова врет, что стыдоба.
Глянь, измятые купюры,
Не храни деньгу не смерть,
Глянь-ка, муж Никита курит,
В нераспахнутую дверь.....

Узреть бы края, ковылями горчашие,
Найти бы у края родные ключи...
Прильнуть бы к воде у ключа настоящего,
Прапрадеда помня, забыться в ночи.
Обличье в душе воскресить его грустное,
На пращура Федора глянуть у вод.
До света молчание выслушать устное,
Когда у земли поминанье идет.
Когда и зари естество за долиною,
Когда и овраги отчасти виной,
Что мнятся враги за родимой былиною,
Что светлую памятью длятся за мной...

Спокойно желтя, развивается осень,
Исконно желты за туманами дни.
Скажи полсловечка, мой прадед Иосиф,
Ровесник эпохи, наследник родни.
Скажи-ка, желта ли у хаты осина,
А стены желты ли у хаты в лесу?
Твою фотографию желтую сына,
Я с теми — живыми достойно несу.
Я с ними осенние годы срываю,
Я их не холодной живу желтизной.
Я, прадед Иосиф, тоска мировая,
И желтый во мне растекается зной.
И в зное у сердца трясется осина,
Вдали укрывая дымы хуторян...
Я чту фотографию блудного сына
И слышу: праправнук, себя не теряй...

Где мерклая долго сквозит пустота,
Где ржавой трухи ледяное унынье,
Тяни себе лямку сухого листа,
Лети осторожно в провалы иные.
Вини хоть кого, укажи и рукой,
Мели, что случилось, не зло, языкато.
Где пусто и глухо, похоже, покой,
Где столько тоски и тревоги раскаты.
Где только унынье, случись и оно,
Избуди безнадега, но как же, известно.
И будто листва протирает окно,
И будто приволья нарочная песня.
Но ты о веселье другим ни гу-гу,
Но ты печали откушай мучицы,
Где я ни мгновенья прожить не могу,
Где время, прямя меня, истинно мчится...

Никита, мой дедушка, в зиму уйдя,
Запомнил вихрастого внука Володю.
Лицо Акулины и слезы дождя,
И боль, что глазницы полжизни изводит.
Мой дедушка знал, что такое война,
Порою печалился, больно ноге-то.
В сознание о первой любви тишина
Застыла в пыли векового багета.
В сознании прозвище сердце гнело
Да первый отказ Акулины на чувство.
Да войлок осанистый, чисто стекло,
Да форма на валенки истинно чудо!
Года замелькали, снега, кожухи,
Война мировая стонала прибито.
И Женя приехал, и внук у руки,
И скоро отмучился, умер Никита...

Дай мне, Родина, обряды,
Жить по совести вели.
Дай же сердцу биться рядом,
Горстью дедовой земли.
Дай о пращуре далеком
Поминанье — тишину.
Дай очами отчих окон
Наглядеться на жену.
И по совести обряда —
Землю дедову в горсти.
И в окно любви, что рядом,
Чувство верности нести.
И глядеться роду в лица —
Будь и счастье и беда —
И горсти земли молиться,
С чистой совестью всегда...

Я к морю тревожному долго спешил,
О пыльные травы цеплялся ногою.
Я слышал его состоянье души,
Я знал его волны, но жизнью другою.
Иною судьбою тревожных глубин,
Я чуял души глубину постоянно.
Я волны судьбы безнадежно любил,
И нас единило еще расстояние.
Но жизни другой стерегла тишина,
И я устремился к тревожному морю,
Я слышал, душа из пучины звала,
В песке утопало глубинное горе.
Я к морю спешил по тревоге земли,
И чувствовал боль я, и это немало.
И рваные травы пучины легли,
И бездны морские душевно внимали...

По рыхлому снегу стекая ручьем,
Текучие склоны пронзая журчаньем,
Едва забытье поминаю ничье,
И памяти дни начинаю молчаньем.
Едва ли снегами блистая и льдом,
И тьмою легенды, и тайною предка,
Едва ли таится в ручье молодом
Биение сердца, тоскуя нередко,
О том и страдаю, навеки летя,
Любя горьковатые отчие глубы,
И то ощущаю, пронзая лета,
Любви вспоминая сладчайшие губы...

Словно бы в комнате ужас,
Словно бы на сердце крик,
Стоны и возгласы — ну же —
Солоно слово «старик».
Слово исполнено гулом,
Сонные окна темны.
Звуки впиваются в скулы,
Рвется спина со спины.
Словно старенье в начале —
Молодо снова дыши —
Словно спина за плечами,
Рвется у самой души...

Пространно, конечно,
О братстве беспечном,
Ты страстною речью
Звучи на пирах.
То сухостью — бренно,
То скукою — тленно,
Но слухи вселенной,
Душа, набирай.
А сам-то с ухмылкой,
Не холодно — пылко,
Размахивай вилкой,
Что чадо крестом...
А слухи те странно,
Не поздно, не рано,
Люби невозбранно,
Но после, потом...

Не знаю, не ведаю, Отче,
Молясь у божницы окну,
Грешу и грехи, между прочим,
Журю, но рукою махнув.
И знаю, в смятенье неправом,
Не время уносится вкривь,
Не знамя избито оправой,
А поверху полымя грив.
И сырость осенних осадков
На солнечной голубизне...
Не ведаю, Отче, что сладко,
Живется и грешному мне.
Не видано слышится, глухо,
Одно утешенье — свеча,
Одна у окна завируха
В нытье отдается плеча...

Счисление жизни умершей,
Судьбы золотистый янтарь...
Кромешно и жутко, поверь же,
Теряться в тебе, календарь.
Ужаснее чувствовать роли,
Мифичные тени, душа ...
О жизни, о смерти, старо ли,
Задуматься бы не спеша.
Освоить обиды значенье —
Гляди, открывая года:
Опасное смерти течение,
Кипучая жизни вода.
Судьбы мельтешение лисье,
Случайности волчья тщета
И дней календарные листья,
И тьмы роковая черта...

Эти ты переступи,
Это пришедшая напасть.
Это боль вела в степи,
Чтоб у края мне упасть.
Это вырвался ковыль,
Это вылитая тень,
Это сердце била быль,
Это тьма легла на день.
Кто светло ее кропил,
Кто бранился, тьму не тронь?
Кто божился на крови,
Мне прощение устрой?
Кто болезненно зачах,
Моему капризу мил?
Кто запомнился в очах,
Кто Отчизну изумил?

Скучно жил: еда и ложе,
Хмель, похмелье и борьба.
Ты судьбы еще моложе,
Возомнил ты, что судьба...
Та кричала, сам с усами,
Уповай же на судьбу!
Громычала небесами,
Вычла памятку на лбу.
Выжгла литеру, что пламя,
Вскрыла памятную быль,
Мягко, медленно и прямо,
Как естественная пыль.
И попробовала длиться,
Горькой памятью земной.
Поминала дни и лица,
Горевала надо мной.

Смелее, огненная львица —
Всему погибель и гроза,
Спеши надвое разделиться
И существуя, и грозя.
И нарушай биенье ритма,
И очевидное все, все...
И не пытайся «примириться»
Или закрыться на засов.
Шумя по времени когтисто,
Переменяя жизнь и смерть,
Двоясь, и что-то здесь не чисто,
Ты существуй и в это верь.
Суля убить, и это данность,
Поя о гибели хмельно
И свирепея неустанно,
В смиренье тихое одно...

Спустя слабосильные плечи,
Бесцветные пуча глаза,
Почту жалко-нежные речи,
Услышу-то, гром и гроза.
Видение ясно увижу,
О грусти слова изреку,
Столетия подвинутся ближе,
Полвека причтя старику.
Пучины разверзнутся гулко,
Пустые слова обличив.
Видение у переулка
На счастье уронит ключи.
Виденье займется иконой,
Грехи принимая сполна.
В душе разгорится исконно
Гордыни и мира война.
Глаза источат умиление,
Виденье коснется плеча,
У грома запнется смирение,
Ругая грозу сгоряча...

Не осиновым ли колом
На проклятье стороне,
Не предательства ли сколом
Начинаешься во мне?
Не осина ли промозгла,
Не пуста ли голова?
Но предательства ремесла —
Не обычные слова.
Но в роду по чести платье,
Не предай Отчизны синь.
На роду светло проклятье
И темно в краю осин.
Но такое дарованье
Не дари, судьбины миг.
Плачу скорбью верованья,
Предстою земле немых.

Тропинка вьется как-то в сторону,
Мне угождая, дню и ворону,
А я у старости, смотри:
Мужчина, думающий медленно,
Морщины лба — моя отметина
И разномыслие внутри...
И воронье, и раздражение,
К тропе припасть бы, все решение
И поклониться стороне.
Тропе то притча путеводная,
То тишина душе угодная,
То счастье, думается мне.
А горе больше постороннее,
Ты воронье шуми нестройное,
Ты и запомни, и учти:
Та сторона — душа родимая,
А та тропа, ты знай, любимая,
О смысле узкого пути...

Уже ручьи не истекают,
У жизни осень не такая,
Уже не признаки весны.
У жизни все светло и мудро,
Ужимки призрачные утра,
Живые краски-то плесни.
Позолоти оттенки живо,
Осенней скуки дни не лживы,
Лицо правдивее чела.
Черты его немного скорбны,
Бери же краски, спину сгорбив,
Но золотые, что пчела.
Но лика дли веселый колер,
Но лихо катится доколе,
О вдохновенье, осени!
Звени осенними ручьями,
Светли короткими ночами,
Темня мелькающие дни...

По сему рыданье тяжко,
Трагедийно у очей,
Поминание протяжно —
Нескончаемо — ночей.
По сему явленье смерти,
Угощенье на столы,
Хохотунья круговерти,
Больно сердце утоли.
Обозри у сна могилу,
Нарекая имя впредь,
Обойди молчанье мило,
Говори себе во вред.
Не простые слухи мира,
Безошибочно прочтя,
На веселье злого пира
Не смешливое дитя...

Не судьбы ли степь и власть,
И тревоги сердца пепел?
Не сули в унынье пасть,
Навсегда убраться в степи.
Невдали укрыться тьмой,
Уподобиться виденью.
Не пора ли мне домой,
Мельтеша крестовой тенью?..

И нынче истекло небес отдохновенье,
День ото дня трудней и ноги затекли...
И на меня слегка стекая песнопенье,
Стремится вообще в глубины, знайте,
глин.

И лепится душа, душе моей подобна,
И слышится возня, кружатся жернова.
И одиноко мне, и жизнь уже подробна,
И нищему не быть, и страшно жировать...

Мое воскресение снова,
Мое вдохновенное слово,
Моя, возникая, душа,
Взметается, вольная птица
И самое время молиться,
Рождайся, дитя, не спеша.
Являйся чудесно, Богдаша,
Не бойся кровиночка наша,
Но дальше тебе не упасть.
Но дольше бессонного бденья,
Твое дорогое рождение,
Моя бессловесная страсть...

Даже если беглый этот,
Возраст умной глубины,
Обойдя зари рассветом,
Встрепенется у спины.
И зачтется в опыт умный
Глупость яркая души,
То волненья плоти юной
Несравненно хороши.
Те же сказочные зори,
Та же трепетная страсть...
Но сойдутся на разоре
Седина и чувства власть.
То ли возраста давленье,
Цвета черного сукна...
То ли ревности явленье,
Коли верная жена...

Сверкая прямо на хоругви,
Крестясь иконою на грязь,
Ты удивлялся, как старухи,
Тебя прощали не таясь.
И как цветастые поддевки
Слепили быстрые ветра...
И как на радостные спевки,
Ступала зимняя жара.
И душно трогала за мышки,
Легко брала воротничок,
Тебя легко листала книжкой,
Судьбы забытый дурачок...

В окнах искренне замерзших,
Очень образно душе.
Почему же сердцу горше,
Коли мчится день уже.
Коли в искристости веток,
Жизнь и судьбы впереди...
Коль у сердца до рассвета —
Нелюбимая, гляди...

Мне бы на сонную скуку возни —
Осень у сердца, она зачалась...
В небо усталые очи вонзи,
Там, удивляйся, светло на челах.
И посмотри же, сияние льет,
Иноки там, умиление очей.
Иначе, сердце, готовься в полет,
Невыносимо течение ночей.
Думай же, сердце, иначе возня,
Плевое дело, унылые дни.
В небе холодная сырость огня,
Иноки светлые, тени родни.
Мне бы волнение у сонной возни —
Вот отчего и тоска зачалась...
В небо осеннее очи вонзи:
Там, удивляйся, светло на челах...

Течение странно времен,
Тоска календарною скукою
И весны извечною мукою,
Тому, кто премного умен.
Тому бы немного ветров
И солнце вдали незакатное,
И чувство любви перекатное,
И полдень, и сумрачный кров.
Тому бы и сумерки дня,
И утра теченье рассветное.
У счастья того безответного,
Ты горе уйми, леденя.
Ты в точности свету служи
И все отмечая при случае,
Ты муки ищи не певучие,
В смятенье у самой души...

Жизни здешней жребий брошен,
Собирайся, старина,
За народ иди хороший,
Будь и счастье, и война.
Топай слабыми ногами,
Прямо в сторону глубин,
У души рождая камень,
Жизни здешней пригубив.
Умиляя подношеньем,
В дни нездешние спеша...
Жребий, брошенный на шею,
Избавление, душа...

И теплый воздух у печи,
И злую скуку несвободы,
И судьбы в зеркале учи,
И бейся, собственно, о годы.
Грози закрытому окну,
Перевирай смешно и больно,
И дню не близкому отнюдь,
И сердцу бьющемуся вольно.

Проникновенье, влюбленности патока,
Клены унылы, ты неколебим.
Обыкновенное счастье опять-таки,
И на мгновение ты полюбил.
И на прощанье исполнился кленами,
И разуверился ты, шаловлив.
Все поясняя уму посрамленному:
Страсти осенние не журавли.
Все исповедуя — это не весело,
Невыносимо — того и гляди,
Чувства последние, слякоть и месиво
И журавли далеко впереди.
Чувства высокие — осуществимо ли —
Не прикасаться и клином не сметь...
Мне бы дождинки страдания вымыли,
Мне бы собаки не выли на смерть...

Какой-то ласковый нырок,
Какой-то нежности урок...
Какой-то плеск, уловка, мысль,
Воображение, уймись!
Спокойно, птицу не вспугни,
Мы братья в мире, мы одни...
И мы глядимся, взор и взор,
И мы суглинок, и подзол...
И мы, смотри, во взгляде взгляд
И до любви зрачки горят...
И до утра брожение дум,
И ты в тоске, и ты угрюм...
Случайно, птицы побратим,
Молчишь очей не обратив...

И ясное дело, пою в переводе
И не подражаю пернато молве.
И вот же, слепца, тишина меня водит,
И вот он и пастырь, уста в мураве.
И лепятся слоги и звуки-то птичьи,
И вот у судьбы я шагаю путем...
И скоро и зряче, не пряча обличье,
Все тою травкою устало идем.
Все тот же мотив и одно начертанье,
Все та же творится обычная песнь...
И внуку слова переводятся тайно,
И к прадеду, ясно, почтение есть...

Глянь же, мир уже не божий,
Ты не каешься нигде.
Мира нет и ты не пожил,
Ты плетешься по воде.
Веселишься, опровергнув,
Миру зла ладони дав,
В них укладывая скверну,
Удивляешься, вода...
Вникни в праведные воды
И себя гони, шутя...
Не твои шумливы годы,
Не твое в душе дитя.
Что смеется прямо в покат,
Руша тьму, рождая свет...
Сердце тянется до Бога,
На душе покоя нет...

Вы рыдания сердечные,
Вы любви страданья вечные,
Счастье вы и непокой...
Вы избы видны заплатами,
Детворою конопатою,
Старика за табаком...
Вы покоем и лавиною,
Вы и явкою с повинною,
Что еще, я не пойму.
Вы испуг — душе презрение,
Вы в избу — души прозрение,
Всем — юродства по клейму...

Ты тихо страдаешь и, кажется, каясь,
Гнездо примечаешь оглядкою: аист!
Ты смотришь обычно, цвет аиста маков,
Оттенок у света всегда одинаков.
То чувствуешь, аиста длится гнездовье,
То горечи вкус ощущая медовый.
То каешься дерзко, то кажешься гордо,
А птица светает, умна и покорна.

Времена неумолимы,
Непроглядна мгла судеб.
Годы скорые за ними
Опускаются за степь.
Мглой иного поколенья
Укрываются в углу,
В гордо долгое томленье,
В кротко трепетную мглу.
Прямо в уровне могилы,
На полметра в вышину...
За полгода счастья с милой
Больше споры про войну.
Больше тьмы и меньше света,
Ты души не бережи.
Мгла судьбы стекая с веток,
Непроглядна впереди...

Не душа твоя грозна,
Ты же господу творенье,
Ты бессмертье узнай
И не гордо, но смиренно.
Те же яркие цвета,
То же счастье жизни в гнев...
Не ропщи, но расцветай,
На земле мечтай о небе.
Силы в слабости черпай,
Чудеса прощенья святы,
А гордыни черепа —
Мифы мерзкие из ваты...

Ты ледяным исполняешься гулом,
Ты охлаждаешься день ото дня...
Катятся сны желваками по скулам,
Смех умирает, уста леденя...
Ярко виски лишь одни серебруются,
Блеклую ночь ослепляя и зля...
В тень обращайся ты блудного братца,
Ты полюби ледяные поля.
Ты затеряйся у вечности вещей,
Ты растекайся на таянье льда...
Не надевай леденящие вещи,
Сны ледяные гони навсегда...

Граница рассвета и тьмы,
Весны золотая лучина...
Кончину на время уйми,
Холодная страсти причина.
И следствие — россыпи чад,
Траву у могилы ероша,
Тебя повторяя, звучат,
Крича о мгновенье хорошем.
И помнятся боли сильней,
Людей исцеляя, поверьте,
Летя переулками дней,
Гордыню пыля круговерти...

Извергайся крайне редко,
Образ умственно храня,
Образумься в духе предка,
Помни также про меня.
Охраняя тьму порядка,
Разрушая света соль,
Поиграй с фортуной в прятки,
Все равно к исходу боль.
Все же ненависть бери вот,
Окати дождем ее,
Помяни любви период,
Слезы, страсти, бытие...

Учи меня напористо,
Слова твои убористы,
Мудры твои слова...
Глаза твои на выкате,
Слова души на выходе,
Ты истинно права...
Учи и покровительствуй,
Ты, словно мне правительство,
Раба и госпожа...
Люби меня, обрадовав,
Словами и обрядово,
Словесно мельтеша...
Учи же бранью плоскою,
Смотря на вещи плоскостно,
Членя на вертикаль...
Любя меня безверного,
Супруга благоверного,
Любви еретика...

То заботиться о том,
То бояться до поры,
То стучаться горю в дом,
То о счастье говорить.
То не столько и умно,
То романтика не тьмы.
То реально не дано,
То несчастье — то не мы.
То унылы колера,
То молчание храни.
То ли дети школяра,
То ли горе из брони.
То ли носится листва
За усталую спиной...
То ли лживые слова,
То ли счастье стороной.

Сию минуту посмотри
В зрачки, похожие на тени,
На безучастье изнутри,
На утомленность увлечений.
Ты согласишься, они пусты,
Ты убедишься, они потешны...
Ты эти очи отпусти,
В страну рыданий безутешных.
Но слезы высуши, сквозняк,
Слепите взор иные зори...
И вдруг окажется возня
И слепотою, и позором.
И вдруг увидится проем,
Судьбы устойчивое зренье,
Того, кто в образе твоём,
Не поглядит уже презренно...

Ты каешься пламенно, буря и тишь,
Ты видишься, солнце, у пыльного края...
Ты рано зарею рассвета летишь,
Ты пылко несешься, прохладу стирая.
Ты ярко живешь и невидимо днем,
Сгораешь один у прозрачного праха.
Ты, сын удивления, служишь огнем,
Ты света дитя и мерцание мрака.
И будто на пламени цветом седым,
Любя напоследок, уйдя круговертью,
Ты скоро душой обращаешься в дым,
На грани невидимой жизни и смерти.

И признанно, что жив и бродит он
по крыше,
И призрачнее дня скупой осенний тон.
И где, летя, душа восьмую ноту слышит,
И зрит одно и то же — души осенний сон.
О нем еще тоска, но искренне и сладко,
И по нему легко иди, ступая, ты,
В осеннее тепло, за признаки упадка,
На страсти молодой угасшие черты...

В разумном сознание тревога,
За родичей, близких и всех...
Рыдая, возьми на дорогу
Желания творческий смех.
Постигни волнение кисти,
Черти очертанья черту,
Ищи просветление истин,
Колебля судьбы череду.
Иди супротив обороны,
В тиши агрессивно звуча,
Счастливые дни похоронно,
Едва леденя сгоряча...

Пусть и снег опускается в шествие весен,
Пусть и руки разводишь, о счастье небес!
А во сне до утра продолжается осень,
Жизнь и смерть очертаньями снятся тебе.
Там и тьма возникает, и лживая нега,
Но к утру исчезает и ей поделом...
Упадая в обман уходящего снега,
Рано свет обнимается, словно крылом.
Так и так окрыленная жизнь уцелела,
Так и смерть утененная в ночь убралась.
Пусть и страсть, осеняя любимое тело,
Пусть и сердце ее наполняется всласть...

Помутненье отринуло небыль,
Просветление тронуло очи.
Потемнело вечернее небо,
На полжизни всего, на полночи.
На мои утомленные страсти,
Снова чувства твои налетели...
Не забыться у призрачной власти,
Не влюбиться на самом-то деле.
Не склониться у точки надежды,
Одинокому давнему счастью...
Были очи твои, как и прежде,
И светлы, и тревожны отчасти...

И больно желание плоть утомила,
И вольные страсти смутили совсем...
И рано вершила небесная милость,
И скоро будильник измучился — семь!
И странно я руку потрогал иную,
И чувство иное, стучали сердца.
И пела душа, я люблю и ревную,
И образ устало у спальни мерцал...

Боже, кончина видна,
Отче, могилы пологи...
Может, укрыться у дня,
Позже живя у дороги.
Может, уснуть у причин,
Можно — тоска за кустами.
Боже, а сердце кричит
И управляет устами.
Боже, по жизни скользишь,
Ложно плетешься стезею,
Кожи стареющей тишь,
Трогая скучно слезою...

Снится улицы извилина,
Скука тянется холма...
Жизни старая стропилина,
Точно выжила с ума.
Точно скуки каплет оттепель,
Пробивает холода.
У холма течение, вот тебе,
Время скуке голодать.
Верно, скуки окончание,
Умаление стропил.
Точно строфы злы отчаянно,
У проселочной тропы.
Точно те суглинки грубые,
Что родные на века...
Небо чистое за трубами,
Дни видны издалика.
И слышны поэмы вечером,
У извилины ума...
Сонной скуке делать нечего,
У веселого холма...

Одиноко по взору скользя,
Утомленно плутая по лицам,
Не влюбиться, конечно, нельзя
И на время нельзя не влюбиться.
И не страстью тоска берedit,
Одиночество сердца рождая.
Но земная судьба впереди,
Но влюбленность устало блуждает.
То рисует усталую вязь,
То чудит, оживляя немного...
То у неба срывается связь,
То на землю звонит одиноко...

Ты в уме помутился, во сне,
Ты решился не крикнуть о скорби.
Ты сказал о гибели мне,
Неожиданно правдою скорбив.
Все осталось и было, и есть,
И толпа веселила печально.
И пронзала смертельная весть,
До глубин обрывая молчанье...

В ярком обмане душа черно-белая,
Страсти шумны, глубоки, холодны.
Ты зачинайся, влюбленность умелая,
Ты, остригая мне наголо дни.
Их обмани белизну черноватую,
Страхи уйми, больно дни горячи,
Ты себя чувствуя зыбкою ватою,
Около ночи и даже в ночи.
Высеки бренности толика малая,
Сердце ревмя и буквально ревет.
Чувство горячее, пылкое, алое,
Смерть за него я прошу, не живот...

Уже мелькали отсветы,
Осознанности, друг.
Уже признался, осень ты,
В раздумчивости вдруг.
Уже ты поздно вечером
Судьбу благодарил,
Блестя лучисто черепом
В осенние дворы.
Себя стегая прутьями,
Судьбу едва браня,
За дни уйдя запрудами,
За клики воронья...

Пронзительно плавится проза —
Почти обихода предмет —
Истории поздняя бронза,
Эпохи последняя медь.
И сточная полнится яма —
Ты это пойми и прости —
Рождая всесилие ямба,
Светля черновые пласты...

Все бьется за себя
И лжи, и правды эхо.
И ненависть, любя,
И горе в счастье это.
И в гору все спеша,
Терзается на склоне.
Бескровная душа,
Она-то к правде клонит.
Она, взбивая кровь,
Она твое спасенье:
И злоба, и любовь,
И смерть, и воскресенье.

Не кляни бесплодье духа,
Помяни Отчизны сон:
Разве сверху возле уха —
Отчей тени слышно стон?
Разве тень легка навскидку,
Как отчаянная сень?
Разве отчую накидку,
Ты примеривай на тень.
Разве что в тени притворства,
Ты верши свои дела.
Разве что удачи горстка —
Все твои колокола?
Разве что, скребя посуху,
Душу — около — дерет?
Разве то бессилье духа,
Разве то родной народ?

Кручины злое лихолетье,
Былые дни не вороши...
Лежи недвижно на столе ты,
Молчи у краешка души...
Смотри, поминки, стол обилен,
Влачи смиренья череду,
Надежду сладкую о силе,
Кончины горькую беду...

В это утро пили брагу,
Тяжело и по-сиротски.
Это пиршествуя плотски,
Мы вступили в перебранку.
Это крикнули обличья,
Ребяшня с куста да в слезы.
Это счастье в плане личном,
Это жестко били лозы.
Это жгло раздумье горло,
Неприметно речи пряча.
Это тьма сиротства терла,
Опотивела до плача...

И крест и смерти нет,
И счастье жизни вновь.
И честь, и тьма, и свет,
И сонная любовь.
И хмель, и сон-тоска,
И скорбь, и боль, но стой:
Чей стон из-за песка,
Чей крик из-за крестов...

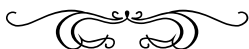

Добро отрицали, творили не зло
Душевные люди, раззя равнодушье...
Добро — утверждали — за горе снесло,
А счастье накрыло дворовою глушью.
Несчастье велело-то злобу творить,
Разумно и глупо веселостью грустной...
Ты зло разумей свое и говори,
От имени счастья не письменно — устно.
Кричи же обдуманно злобе в ответ,
Смотри удивленно в сырое кострище,
Что зло рассыпает уголья на свет,
Что сердце добро потаенное ищет.

***На закате
золотом***

Войди в эпоху менестрелей,
Чтобы мифически сгорать...
Но те предания скорее,
В тебе как огненная рать.
Даруя жизнь и силу мира,
Твое присутствие храня,
Они чума во время пира,
Они свечение у дня.
Они явление нередко,
Ты менестрелей-то держись...
То рати огненные предков,
То мифа трепетная жизнь...

Очи и думы скрывая ладонями,
Молча кричу сокровенными столами,
Слушаю эхо за ставнею спящею...
Тьму озираю невидную сослепу,
Так и мерещатся чертики, ослики,
Так и тарашатся прищуры вящие.
Также тревожат извилины разума,
Также являются помыслы разные,
Думы очами пронзают и строчками,
Зрячие пальцы висками массируя,
Так и не грезятся ослики сирые,
Так и не видятся чертики точками...

В песке и глине, возле рва,
Шагнуть ужасно тяжело,
Цепочку временную рвать,
Взорваться силой не жилой.
И удивительно расти
И лебедой, и осокой,
И обратиться в мира стих,
И вознестись невысоко.
И осмотреться свысока,
И возгордиться, что умен,
И стать глиной у песка,
И жалкой миною времен...

Видишься в облике жабы,
Снишься, болото трясин,
Скачешь урывками, я бы
Взял и швырнул тебя в синь.
Я бы шумел, извергая,
Не славословье, хулу,
Звал бы тебя, дорогая,
Жабой, спешащей во мглу.
Корчился до отвращенья —
Нынче с тобой мы одни —
Мерзко любви превращенье,
В страшные, горькие дни.
Я ненавижу небесно,
Я утверждаю земно:
Тяжба, унылая песня,
Жаба, жена, все одно...

Во тьме тебя чувственно нежит
Любви ледяная вода.
В отместку дается тебе же
Измена, разлука, беда.
И ненависть умная боли,
И долгая памяти месть.
И тьма совестливая боли,
И страсти холодная песнь...

Мне бы добраться — явиться родне,
Мне бы признаться, беда закатала.
Мне повиниться бы, гордому мне,
Мне по родне прокатиться устало.
Мне б у родни и недолго пожить,
Мне бы родиться обратно в усадьбе.
Мне бы сердечное слово у ржи,
Мне о душе откровенье сказать бы.
Мне б исповедаться лишь об одном —
Личное счастье найти бы на ощупь.
Мне бы у счастья согреться огнем,
Мне бы сродниться с Отчизною общей.

Мама ногу трет рукою,
Мама плачется в сустав.
Мама молит о покое,
В жизни до смерти устав,
Мама просто смерти просит,
Рвется, мама, мира связь.
Завируха, боли осень
Да твоей судьбины вязь.
Да черства буханка хлеба,
Да сломался старый стул.
Мама просится на небо,
Где отец и вечный гул.

Ты в гимне слыла стихотворном,
Любовью в миге не повторном,
Печалью лунного овала...
Ты застилала очи солнцу,
Ты свету виделась оконцем,
Меня с луны земно воззвала.
Суля одно исчезновенье,
Любви короткое мгновенье,
Судьбе блаженства, но иные.
Судьбы моей терзая рану,
И лунный свет уныло грянул,
И покатился в дни земные.
Неся душе одно рыданье
И двуязычное страданье,
И сходной роли утомленье...
Служа обманчивости гимна,
Луне земной, любви взаимной,
Страданью, мысли, страсти, тленью...

Все меньше вру себе и прочим,
Все вижу менее обид...
И все же мне любить не проще,
И все сложнее не любить...
И все же — заживо сгораю,
Не все же масленица, кот...
И все же плоть не умирая,
И не прощая, злится год.
И ненавистно мне прощенье,
И не легко несется кровь,
И все трепещет ощущение,
Что не кончается любовь...

Лишь удивленное счастье вдали,
Лишь утомленные близкие песни.
Лишь отпечатки небесны земли,
Лишь опечатки земные небесны.
Лишь о несчастье раздумье всегда,
Лично бессмысленно и бесполезно.
Лишь бы на счастье не снилась беда,
Лишь бы не горе ломало железно...

И мучений и сиротства —
Незавидная тропа...
И спасение — юродство,
И возможная судьба.
И судья один у неба,
И слезливости посыл,
И участливости мне бы,
Мне бы искренности сил...
Доли той душе не нужно,
Не юродская юдоль.
Ты, душа, как солнце, южно,
Проживай людскую боль.
Ты спеши за ходоками,
Распрямяйся по судьбе,
Рви неловкими руками,
Что положено тебе...

Ветку вишни бы сломать,
Ветку срезать у приплода.
Да иное слышу, мать,
Говоря главою рода.
Да иная у шеста,
Хаты маленькая жрица.
Возраст где-то возле ста.
Много, как бы говорится.
Долго Богу служит, ах,
Кость ее вконец изводит,
Да на притолоке страх,
И к шесту — явление вроде.
Да на вишеннике тень
Ты в пришествие не трогай,
Да от вишни за плетень —
К дому отчему дорога...

Еще бы лесины — углы
Наполнили свежестью прочей.
Еще бы трясины слегли,
Еще бы огня у обочин.
Еще бы листве дотлевать,
Еще упокоиться грядке.
Еще бы летели слова,
Еще бы любви, чтобы сладко.
Еще бы и тело свело,
Еще бы душевнее речи.
Еще и в углы, и в чело,
Морщины добавили трещин.

Любви и страсти соответственно,
Серьезно все в них и ответственно,
И легкомысленно сполна,
Все непроглядно и запятнано,
Все перепутано в полпятого,
За мутью темного окна.
В нем и черты к рассвету ожили,
На чьи-то образы похожие,
На чье-то сердце, не пойму...
В нем и слова слышны за ветками,
В нем и страдания заветные —
Веками долгими в дому...

Тебе, любовь и сила,
Тебе, любви очаг,
Душа провозгласила,
Огни любви в очах.
Тебе и птица ранью,
Тебе любви ключи,
А боли — сердца раны,
Мне Бог еще вручил.
Чтоб я не стал обычай,
Крича, что жизнь пуста!
Любя любви обычной,
Любимые уста...

Снова снится журавль у кормила,
Мутит отмели самой воды.
Словно он у запруды фамильной
Стережет изъявление беды.
Словно птичья цепляется голень,
За кувшинки у крайней ольхи.
Словно мысли о смерти — погоне,
Ощущения утра горьки.
Словно горечь стекается веток,
Неприметно живя в осоках,
Словно утро пронзительно светом
Серебрится в пруды свысока.
И несется болотисто руслом,
И глубинно горча родники...
Приходи же когда тебе грустно,
Журавля привечая с руки.
Расскажи-ка, любовь не былая
Теребит ли душевную ложь?
Как и прежде, у страсти пылая,
Ты по отмели трудно идешь.
То рыдая с ручьями совместно,
То смеясь и держась молодцом,
Узнавая фамильное место,
Зазывая на голос отцов...

Гляди, заборы ветхие,
Не плачь и не молчи...
Смути своими ветками
Смятение в ночи.
Смотри, запоры прошлые,
За скрутками — натяг...
Скажи, чего хорошего
Персты твои хотят.
Почто десница трогает
И уголь, и дрова...
Вихрасто — недотрогою
Поверху голова.
Давай в меня заглядывай,
Насмешливо и зло,
На тьму стыда проклятого,
Тебе же повезло...

Ты забудь о настоящем,
Лишь о прошлом говоря...
Ты гори животворяще,
Были дни даны не зря.
Точно страсти человечьи,
Точно пламя у печи,
Точно марево за печью
Утомительно молчи.
И вперяйся в перелески,
Их не видно у реки.
Не досадуя, что в блеске,
Дни былые далеки.
В них уйми веселье хмуро,
В них ищи тепло огня
И кури, кури окурок,
Не прокуренного дня...

Смотри же, соседка козу бьет,
Застреха полна бурьяна,
Заборы легли редкозубы,
Отчизны скучна старина.
Смотри на сырую землянку,
Гляди, упивается люд.
Смотри, на душе спозаранку,
Страдания ливнями льют.
А ливни берутся слезами,
А смолы слезятся бревен.
Смотри же, коза-то глазами
На козни хозяйки ревет...

В смеси глины и песка,
Ты удобнее устройся
И ласкайся у носка,
И от радости утройся.
И чини переполох,
И рычи овчар усталый,
И храни чертополох,
Что еще тебе осталось?
Шерсти бреющие вши
И докучливые черви,
И страдание души,
И дожди земли вечерней...

Сто раз условно именем,
Взаимностью любой,
Оплакиваю именно
Тебя, моя любовь.
Тебе и песня слышится,
Тебе и льется грусть,
Души моей владычица,
Мучительница пусть.
Пускай, судьбы владелица —
Тропа любви узка —
Пускай страданье стелится
И кажется тоска.
Она тоскою вяжется,
Она унылый свет...
Любви рыданье, кажется,
За сто последних лет...

Не вьюгою ужасною,
Но в осень — утро суть.
И будто думой ясною
Прокладываю путь.
И будто сердцу видится
И путь или туман,
И тайна — очевидица,
И правда, и обман...

Т
воря задушевные слоги,
Служа медитации тихо,
Ропща на родные пороги,
Душа улетала, трусиха.
Возможно, на небо скитаться,
Тебя покидая, мужчина.
Себя превращая в скитальцы,
Звезды оставляя лучину.
Но ярче земля расцветала,
Души затмевая свеченье,
Звезду созерцая устало,
В рассветное утра течение...

Отчего душе тревожно,
Несмотря на тишину?
Почему забыться сложно,
Помятая про жену?
Нелегко сказать о главном,
Правду молвить о себе...
С отчей вотчиною плавно
Раствориться по судьбе...
Но тревога по округе,
Пересиливая тишь,
Тихо ноет о подруге,
Ни за что не разглядишь.
И не хочется покоя,
Только ты во сне молчи,
Видя, что жена рукою,
Прячет общие ключи...

Шумя тоскующими днями,
Что освещаются луной,
Что насмехается над нами,
Несутся мысли, точно снами,
Во тьме мерцая надо мной.
Играя холодно страстями,
Что замерзают, утомив,
И одиночества гостями,
И многолюдно новостями,
И веселятся, будто мы.
Во тьме последнего заката,
Вдоль ускользящей луны,
Скользим немедленно у хаты,
Она виденьями богата
И снами, те удалены.
И страстью жизни, и луною,
И мыслью, что о смысле тьмы,
Что нынче думаю иною,
Что будто ты и не со мною,
И не с луною, не с людьми...

Соответственно эпохе,
Время мифов отнеся,
Промежуточные боги,
Вас увидеть-то нельзя.
Ваши гневны навлекая,
Мировой величины.
Сразу видно, великаны,
Боги, вы вовлечены.
В мое низменное рвенье
И высокое житье.
Мифы, по обыкновенью,
Сердце заняли мое.
И реально за мирами,
В гнев-милости следя,
Мифы, вы не умирали,
Улетали, ни следа.
Ни царапины на теле,
Ни души, белым-бело.
Разве в сердце и на деле
Стало более светло...

Речи мне обыкновенны,
На уме слова и дым.
На ноге больные вены,
Что дано немолодым.
Что и счастье, безусловно,
Мне бы ноги уберечь.
Мне бы вымолвила слово,
От ума глупея, речь...

И невидима ты в прахе,
И немислима ты, жизнь...
Ты, не ведая о страхе,
На бесстрашие держись.
Ты в грязи своей высокой,
Ты любви моей нужна.
Ты слепое жизни око,
Словно хата без окна.
Словно тьмы и света связка,
Тишь и слава заодно...
Снова быль и слово сказка,
И судьбы веретено.
Ты кружишь, очеловечив
Бездну ночи, утро дня,
Зажигая мило свечи,
Беспощадностью огня...

Не дождешься ты признанья,
У тщеславия горы.
Добровольно то изгнание,
Накануне той поры.
Но пора назваться — осень,
Но белеса голова...
Одиноко мне и вовсе
Одинокие слова.
Мне одна прохлада — люди
У тщеславия огня.
Мне она признанье будит,
Но бесславье у меня.
Но одни вершатся толки,
У тщеславия горы.
Как же то признанье долго,
Накануне той поры...

Прости, но зверем яростным,
Смятенье душу рвет,
Расти, но мысли заросли,
Но смута на живот.
И в доме у смятения
Уныло, зло в чести.
И дум хитросплетение,
И ненависть, прости...

Замелькали поверху щенки,
Возросло незаметно ворчанье,
Засыпали могилы венки,
Постигали невзгоды сельчане.
Завершала судьбину судьба,
Становилась и тоньше, и тоньше.
И вершили морщинами лба
Твои мысли, бездумности звонче.
В них и горя мотив скрежетал,
Словеса выдыхали от мира,
И мучица текла с решета,
И румянилась мука до пира...

Все равно тоска и горе,
Все конец и все начало.
Все одно досадна горечь
Бродит, скорбна и печальна.
Все черным-черно и сиро,
Разве демон Бога круче?
Разве страх умнее мира?
Грязь и гром, рассвет и лучик.
Сразу мама в крик, а папа,
Право, высшее веленье,
Истекай же смертью на пол,
Замирая в отдаленье...

Хребта нуда родимая,
Усталая спина...
То сила ощутимая,
То мертвая стена.
То горько и безденежно,
То радостно, то страх.
То на века надеешься,
То смерть о двух шагах...

Ты с пригорка улетай,
На короткие минуты.
На мгновенье, на лета
Растеряйся глупо, ну ты.
Убегай в отместку сну
До окраин и помоек,
На заречную весну,
В счастье памяти немое.
Ты щеколда забренчи,
Ты роняйся глухо слива...
Пряча старые ключи,
Ты спеши неторопливо...

И за сонные кусты,
И за ветви, если хочешь,
Ты, малина, пропусти,
Я спешу к исходу ночи.
Я лечу за край, что пуст,
За рассвет ужасно длинный.
Урони случайно уст
Звуки утра на малинник.
Не буди чело сестры,
Мчась у сна иносказаний,
И за дальние дворы,
За раздумье, за касанье.
И за образы в былом,
Ты гляди, легко бегущий,
Осторожно, напролом,
За малиновые кущи...

К восходу уйду далеко,
Породою, редкими кущами,
К добру добреду стариком,
Покроюсь осенними гущами.
Врасту в черноземы у хат,
У выемки стану проточины...
И вдруг улечу на закат
В ковыльную горечь обочины.

О пришествии и — слух...
Выл ты, в плаче упадая.
По предчувствию и — дух —
Мать увидела седая.
Налила слезу росы,
Поминать ее не стоит,
Прокричала, не спросив,
Про ведро свое пустое...

Все выстраивали годы,
Все спешили изначала,
Все несли ветра и воды,
Все ушло и отзвучало.
Все утихло и забылось,
Все в безбожье закоснело...
Но катила божья милость,
По ручьям ума и тела.
Все жила в уме глубоком
Золотая света сила.
И жила душа у Бога,
И безбожно голосила...

Не речью энергичною,
Не страстью истеричною,
Безличный, не глагол,
Являясь общим образом,
Сметаю смыслы попросту
Задумкою благой,
Твореньями крылатыми,
Словесными руладами
Витаю у речей.
Глаза мои, что демоны,
Пылают очи темами
И страсти горячей...

Верное счастье потрогай рукой,
В общую часть откровения веря.
Все остальное обмана покой,
Все же стальные — обманные двери.
Все же за ними несчастная вязь,
Тьмы откровение, тление света...
Все же свершается высшая связь,
И сукровица ведется на это.
Болью и кровью творится судьба,
Поздно является ранняя сырость.
Все откровеннее сердца судья,
Все же несчастье убого и сиро.

Клубится овес облаками,
Дожди, истечение полей.
Ты злишься, махая руками,
Что сердце становится злей.
Что под гору — слабы колеса,
Что небо — у края тропа...
Кручинься, супруга, белеса,
Кричи, что любви не пропасть.
Вяжи — охвати пуповиной,
Дождем урони на овес,
Узрев у реки — луговины,
Меня на сияние звезд...

Нужно ли шум поднимать?
Незачем, образа нет...
К ужину моется мать,
Тьмой обращается свет.
Без церемоний и слов,
Крышу жилища укрыв.
Бес, озирая улов,
Бьет огорода бугры.
Бездна прощает отца,
Не выдавая его...
Мама шумит у крыльца,
Внука храня своего...

Ты главу-то не повесил,
Зная, Родина живет.
Ты на сечу стал у веси,
Выйдя биться за живот.
Ты у веси зрея снова,
Ты на воинство прозрел,
Ты, крича родное слово,
Затерялся гуще стрел.
Ты вознесся за собою,
Не покой врагу суля,
Был и гневом, и судьбою,
Хорони тебя земля...

Пламя, объявшее милые чаши,
Сила, угасшая бренно и зло...
Только безмолвие важности вящей,
Только покой, кому не повезло...
Только и камни ютятся поодаль,
Только откинуть отважся, храбрец!
Там откровенье, еда на полгода,
Там и мякина, и соли в обрез.
Там голоса — преисподние чары,
Не зазывая, ютятся вдали...
Там ощущенья мои закричали,
Каменно дрогнули лики земли...

И сонное начало,
Мы выразили вновь...
А нега не качала,
Листала книгу снов.
А снега плыла бронза,
И падала гора.
А трепетная проза —
Не теплая пора.
Но эхо длили втуне,
Не зыбь и кутерьма,
Но лета полнолуние,
Но бдение ума.
Но трепетные ивы,
Чьи веточки темны,
Но мы во сне красивы,
Но близко до весны...

Смерть идя к полночи,
Просится в стих...
С божьей ты помощью
Дожил и стих...
Мощи-то выровнял
И попенял:
Долюшка сирая,
Ночь-купина...

С тобою мысленно вдвоем,
Уйдя в леса за водоем,
Мы, что за бредни-то, поем...
И это видится во сне,
И слева снег, и справа снег,
И в сердце ты послушна мне...
Мы то змеимся, охмелев,
Мы то целуемся смелей,
Вода, шепчу я, что елей...
Хотя снега, хотя мороз
И умиление до слез,
И водоем, ты бредни брось...

Звуки роятся ветрами,
Их унимается множество...
Внуку не спится, не можется,
Хочется вырваться в травы.
Внуку милы, серебро их,
Образы месяца раннего,
Мука моя и старание,
И мои близкие брови...

Годы были хороши,
Степи таяли в меду.
Ты сказала, ворожи,
Можно и на лебеду.
И ушла, и поделом,
И смириться мне пора,
И рассеяться не злом,
В травы сладкие добра...

Еще мошку на лацкане
Пора бы извести,
Еще гроши бедняцкие,
Еще огни звезды.
Еще народу всякого
Ведется на крыльцо...
Судьба не одинакова
На каждое лицо.
Еще глаза хозяйкины,
Гляди-ка вполпьяна,
Еще беда с козявками,
Не в том твоя вина...

А друга боль и клич, а крик его последний,
Как ясный сон и плач, знаменье на ветру...
А друг уже в бреду и вечности наследник,
И другу песня птиц, и тайна поутру.
И жив, опять же звук, и требуется время,
И другу бы у трав устало полетать.
И виснет он и лист, и памятное бремя,
И не пересчитать ушедшие лета...
И не печальна мысль, и глубже проникает,
И таинство, и зов, и нет ошибки здесь...
И жив, я верю, друг, а птица не такая,
Но действие — тайна сил, и что-то
в этом есть...

Я пил усталого лица,
Судьбы темнеющую воду.
Я неизменно порицал,
Хотя бы умную погоду.
Я холил искренние дни,
Я бил осеннюю прохладу...
Хотя бы лист устало пни,
Откройся ты хотя бы саду.
Хотя бы искренностью век
Скажи, что чувствовать изволил,
Что ощутил, о смерти век,
Чтобы дано полжизни боли...

Иду по лестнице небесной
У грани неба и земли.
Поют особенные песни
Земные ангелы вдали.
И очи ангельские вперив,
Крылами хлопая слегка,
В меня-то, юного, не веря,
Похоже, видя старика.
Переча высшему Владыке
И даже нежности земной,
Слова нашептывая тихо,
Псалмы слагая надо мной...

Немота — моя эпоха,
Умолчанье — слово дня.
И душе, и сердцу плохо
Возле страсти и огня.
Но душою я воссоздан,
Отпусти, эпоха тьмы...
Охвати, раздумье, звезды,
Немотой рази умы.
Окати звездами думы,
Словно образом таким.
Уходят дни, угрюмы,
Извините, знатоки.
Одиноко сердцу снова
Возле страсти и огня...
Полюби эпоха слова,
Бессловесного меня...

Ты памяти дары
Храни, не вынимая...
Ты тихо говори,
Душа глухонемая.
Ты помни об одном,
Светло чела старенье...
Ты в доме ледяном —
Тепло стихотворенья.

Таятся тайны наши
И звонкие мечты,
Поля, приволье пашен,
Огни любви, учти!
Поляны, птицы, звезды,
Обилие цветов...
Гляди, бреду я поздно,
К пустынице святой.
Во мгле нужды не зная,
Не ведая ничуть,
О том, что тайны сна я,
Любви ее хочу...

Где ты стороною приветной
Бредешь, оставляя следы,
Там я нависающей веткой
Нечаянно горькой беды.
Я сыплю не сладкие зерна,
Идешь ты своей стороной,
Там я замираю покорно
И, верно, тебе все равно...

У степи — судьбы былины,
Но уносит эхо весть.
А вдали одни руины
И окно за ними есть.
Там и видится, гроза ли,
Жаля молнией плечо.
Там и образ у развалин
Размышление влечет.
Что за образная прихоть,
Что за таинство судеб:
Просыпается — не лихо,
Отзывается — не степь...

Темнота светлее тьмы,
Гулом леса интересна,
По лесному звонче, резче
Забирается в умы.
Чем-то нежности нежней,
Умозрительно высоким.
Чем-то лестным ясноокиим,
Чем-то, что всего важней....

Последние речи любимых
Ужель отзываются бегло:
Про то, как и чувство сгубили,
Про то преисполнено пекло...
Уже разъяренною чернью,
До смерти терзала пожива...
Уже приблизительно черви
Шуршали, сдавайся и живо!
Уже по внушению свыше,
По жесту могучему, значит,
Казалось-то, полымя свищет,
Сдавалось, никак не иначе.
Уже небеса голосили,
И предки истошно кричали,
Сдували калама ворсины,
В огне полыхая речами.

В глаза на рассвете порой,
Любимые очи смотрели,
И били ключи за горой,
И пращуры бились издревле.
Их слава покрыла давно,
В честь их отворяя криницы.
В их память открыли окно,
Звенели ручьи вереницы.
Во имя рожденного дня,
Судьбу начиная с абзаца.
А ты полюбила меня,
К любви не боясь прикасаться.

Спешите стоки красно-бурые,
Ручьи бегите грязно темные
И отмывайте лица хмурые,
Чуть оживляя дни бездомные.
Чуть осветляя очи рыжие,
Чуть-чуть уныло беспризорные.
Чу, и дожди пошли за крышами,
Раздумья хлынули просторные.
Скрывая борозды глубокие,
Журча в промоины равнинные,
В мои страдания безногие,
В твои фантазии ревнивые...

Верчение лютого вепря,
Богини суровый посыл,
Насмешка веселая ветра,
Но кто же любви попросил?
От вепря ужасного прячься,
Богиню ища до зари,
Ветрами шума, не иначе,
Кого-то к утру озарив.
Браня приключение скромно,
Того, кто и ужас и страх,
Вертеп забывая огромный,
Богиню любя до утра.

Отцы мои страдая впусе,
Нашли меня в морской капусте
И замесили куличи,
И сохранили мне зачаток,
Чтобы грядущие внучата,
Но это после, помолчи.
Отец и мать — одно обличье,
Сойдя таинственно таблице,
Согласно, неба и судеб,
Шагая в заросли востока,
Зачали плод огнем истока,
Но это истина и хлеб.
Но это пахнувшие смолки
Устали течь, и сразу смолкли
Мои родные в свете дней.
От сглазу Богу козыряя,
Капусту странно озирая,
Шепча: а счастье было в ней...

Осень, улица сырая,
Сердце в плаче ровно год.
Ты подворье озираешь,
Видя небо, кто идет?
Кто, крича, грозитя брату
И открытому окну?
Кто бросается обратно,
По осеннему вздохнув...

Вещая, твой ангел особо
Ведется у бога любви...
Как образно смотрится в оба,
Как, Отче, ты благослови.
Как образчик обетованный,
Как зло твое испепелив...
Прими же весеннюю ванну,
Душе возрождаться вели.
Греми, как у бренности медной,
Кричи, все тебе нипочем!
Смотри, ангел искренне бедный
Несется, шумя за плечом.

Блесни у оврага
Знаменье судьбы.
Пернатые — мраком,
Скорей на столбы.
Пылая венцами,
Кусками просфор,
Они голосами
Несутся — простор!
Они и на лозах,
Они на кустах,
Блистая, что слезы,
Что эхо в устах.
Что смерти знаменье
Для вражьей души...
Волшебное пенье
Откуда, скажи...

Иди, размышляй о предмете,
Читай мне морали, святоша,
Во имя небесной приметы,
Во имя забвения тоже.
Во имя святого восторга,
Мне кровью не выпачкай платье.
Мне имя надежды исторгни,
Тот, имя чье вечно в заплате.
Кто немощью имени главный,
Кто власти не знает условной.
Кто логик убогости плавный,
Кто делатель умного слова...
Но именно кроткие лики
Забвенья сулят именное.
Но им в умозренье великом
Дано ли мгновенье иное.
И даже во имя забвенья,
И в этой морали предметной,
Святоша, уйми вдохновенье,
Во имя небесной приметы...

Горчи, полынь, скрывая осыпь,
Темня прозрачные ручьи.
Ты уведи людей за осень,
Их судьбы небу поручи.
И дух немного истомится,
Начнутся боли в животе.
И в пенье выдохнется птица,
И враг уймется в темноте.
Ты резко вырвешься ногами,
Туда, где дух, явление, синь,
Где вознесенье, мысли пламень,
Листва и горькая полынь.

К свету святых улетаю посмертно,
Тень обращения за снег изошла,
Светлою памятью канув у тверди,
Вглубь унесла поминание зла.
Тень исчезала незлобно и гулко,
Таяла медленно, снежно в пыли.
Бледно святые из тьмы переулка,
Ночь освещая, снегами ушли...
А накануне за высшую милость,
За темноту заступили года.
Раньше еще моя плоть утомилась,
И на душе полегли холода.
Раньше еще улетели надежды,
И по течению годы ушли.
Раньше исчезли, любимые прежде,
Темные воды родимой земли...

Видно, жалкое подворье
Зелено от лопуха.
Видно, пробелью не горе,
А веснушки-то греха.
Видно, мука о прокорме,
Слышно горе, видно, плач.
Не жалей слезу на горе,
В лопухи рыданье прячь.
На жилетку капли скорби,
На подворье стороны,
В старики ты, в горе сгорблен,
Не узнать-то со спины...

Ледяная ручьи́стая сила
И душа ощутила любовь.
Но и ненависть имя спросила,
И остыла горячая кровь.
Вот и осень у жизни в потоке,
Вот и холодно взяты персты.
Вот уста источают итоги,
Ненавидя, ты свыкся, прости.
Ты лечи задушевные раны,
Ты забудься, душой отболев.
Только плохо бессонною ранью,
Только памятно быть у полей.
Ненавистно и горько ночами,
Только больно душа горяча.
Только голо, умильно, печально,
Одиноко на льду — у ручья...

Это счастье души,
Это же просто я...
Это шумно в тиши,
Ночи дни предстоят...
Сразу как-то светло,
Разве сумрачно в рань?
Сглазу бейся стекло,
О рассветную брань!
Дорогого окна,
Открывайся проем...
Это я после сна —
В своеволье своем.
Это я, не сказать,
Убегаю к ручью...
Это я за глаза
Не о счастье кричу...

Зыбкое ложе покоя лесного,
Пламя зарницы вдали у сует.
Птица, роняя сердечное слово,
Вдруг обращается в огненный свет.
Свете, бери ощущение чаще,
Не согревая ручки у бревен,
Не огибая лозою у чащи,
Не оседая на срубы времен.
Свете, разверзни глубокие тайны,
И, угасая, лети за родник.
И, пламенея, и болью кристальной
Мне на заре поминай же о них.
Но растекается полымя, птица,
Но хоронятся слова за лозой
И до заката уже не забыться,
И не умыться прохладно росой...

1

Глас изменщицы раздался,
В третий день полной луны.
Нелюбимая гражданка
Мне нашептывала сны:
«Ты в любви живи на тверди,
Ты о счастье голоси.
В третьей жизни после смерти,
Обращайся ты в лоси.
Бей копытом, двигай бровью,
Сну лосиному служаж.
Путай глину с теплой кровью,
Троекратная душа...»

2

Три измены усыпали,
Умножали зло, смотри...
Доносились усыпальниц
Гулы гулкие внутри.
Люди видели три стати,
Косы длинные до пят.

Поминали люди, кстати,
Их пустые очи спят.
Их ужасно вздулись вены,
Их унылы голоса,
О любви, обыкновенно,
Долго плакали глаза...

Храни дитя пристойное
От слова недостойного,
У пропасти лови.
У краешка отчаянья
Коснись его нечаянно,
В огне своей любви.
Храни его покорностью
И кротостью, и гордостью,
За край ведя годин.
Учи в ночи стекающей,
В пространстве сна пока еще
И страх, и Господин.
Учи до невозможности
Простой житейской сложности,
Хождению по полам,
У края неба чистого
Храни его, лучистого,
С тревогой пополам...

Касайся детства тихо грустью,
По бытию легко скользни...
Ты растекайся, жизни устье,
Ты действуй медленно, коль сник...
То прямо думая о росах,
То веселясь у щавелей,
То полной думою вопросов,
Души страдание излей.
Ты утверди, не воротиться,
Не прикоснуться к бездне лет,
Красиво падая, что птица,
Молча на то, чего и нет...

Иди, сухостой ломая и поросли,
На ветхих окраин желтушные пни.
Невидные корни на маленькой скорости,
Со злости последней тихонечко пни.
Ногами топчи все дороги, что пройдены,
Плевком орошая систему корней.
Пугай тишину засыпающей Родины,
Не тронь утомленную память о ней.

Я маленький и глупый,
Блаженство на губах,
Стою, сдувая губы,
Во что стреляю — бах!
Смотрю, волнение вянет,
На улице темно,
Лицо моё — румянец,
Мне спать бы и давно.
И я во сне, похоже,
Легко смеется мать.
И мне не страшно, Боже,
Хоть что-то понимать.

Пади на колени, но прежде молиться,
Рукой поднимая сухое кресало.
Ты глянь же, огниво, родители, лица,
Ты медленно пробуй не горькое сало.
Ты слова не бойся, жуя непрестанно,
Надбровные дуги сдирая до крови.
И снова нытье поясничного стана
В тебе раздается, шатая здоровье.
Но утренний свет исходит в мощи,
Больные — твои исцеляя суставы,
Во имя любви и спины твоей тощей,
Во имя родительской пары усталой.

Мне ответило тайное око,
Зло глубинное вышло вовне.
И узрел я, на крыше высоко,
Улыбаются ангелы мне.
И рождается жалко обида,
И мучительно тайному злу,
У прощенья прозрение видеть,
Зная грехопаденье на слух.
Это света и темени сшибка,
Это крыша шумна скорлупой...
Шепчут ангелы: «Грех не ошибка —
Проявленье гордыни тупой...»

Во сне смеется дочка спешно,
В душе смятенно, в сердце стук.
Душа, страдая безутешно,
Ты предназначена кресту.
Хрипи в груди, за что, не ясно,
Ты проживи хотя бы ночь.
Кричи не зло, молчи опасно,
Моли Создателя за дочь.
И в забытье не жди ответа,
Смотри судьбе своей в окно:
В ней ложка кашицы рассвета
И сострадание одно.
В ней жизни предопределенность,
Ты и душа во всей красе.
В ней свет и дочки удаленность
И дни осмысленные все...

Брось же медленное бремя,
Безысходностью предстань:
Речкой тихую на время,
Перекрестком у креста.
Окрести, Отчизна, пятась,
У соблазна сильно пни,
Покати ногой до пяди,
Укоризны мне бубни.
И ни осенью, ни летом,
И не брэнно, не шумя,
Ты осенний — фиолетов,
Ты гори в огне ума.
Ты и дым, лети по водам,
Подавайся в рыба́ри,
Зли их остро непогодой
И в огне ума гори...

Не показывайся старцем,
Не являйся стариком,
Дивно образом останься,
Долго тенью за рекой.
Топай мелко, не леший,
Забирайся глубоко,
Прямо в омуты проплешин
Дух и душу упокой.
Прямо же седобородых
Помяни, вздымая вихрь,
Осеня песнью родин,
Тени медленные их...

В память иную не влезть,
Пробуя признанный способ:
Тихо скользящую лезть,
Кривду, бредущую босо.
Дикой години мирской
Не одолеть — это призрак.
В памяти, чисто раскол
И малодушия признак.
Прямо предаться бы сну
С кривдою жалкою вместе,
В памяти утра скользнув,
Вправду, минуя возмездье.

Не пугай меня, русалка,
Страстью явно не бросайся,
Укрывайся за дворы,
За туманы прячься, морок,
Утра слыша ранний шорох,
Двери хрипло затвори...
Потому что по дороге,
К русой деве-недотроге,
В темноте иду я сам...
Потому что, брат, я холост,
Зазывной я слышу голос,
Страстью плоть опоясав.
Потому она немая,
Ничего не понимая,
Бьется полымя во мне.
Потому спешу на ужин,
В страсти девы не замужней,
Погибаю, брат, в огне

И очей не оторвать
От манящей жути рва,
А на дне темны вопросы,
А по мне стремятся росы,
В ледяные жернова...
А в муке ржаного льда,
Вижу, счастье и беда,
Бьются истина и ересь,
Где в любви не разуверься,
Исчезаю навсегда...

Осознавать уму прелестно
И причислять уместно знати...
И знать изъяны королевства,
Скользя паркетом умно, знайте.
Или вальсируя, толкаясь,
Не зазнаваться в страсти пылкой.
У гордеца судьба такая,
Дурные нравы — прямо вилкой.
Или надуться на вельможу,
Или обманываться скупю,
Или таиться скучно в ложу,
Или раскланиваться глупо.
И вас, умно сменяя толки,
Любить еще, любя, страдая.
Безумно — слыть, уже не долго,
И замолчи молва худая...

Живи у реки, невдали, у народа,
Где светлые веси.
Где вера добру и пылится порода,
Где добрые вести.
Где плоть усмиряешь, она же худая,
А голос-то слабый.
Где не изнуряя себя-то трудами,
Не жаждешь и бабы.
Где неумолимую гордости склонность
Оставь же скорее,
Чтоб ангел, узрев и твою непреклонность,
Явился бы, рея.
Ты чтобы очнулся, тревожа оконце,
Внимая реченью,
Где счастье обычно склоняется солнцу,
Согласно ученью...

1

Поди, подкашивает ноги,
Ты опускаешься на твердь...
Ползи на корточках к дороге
В разбитых окон круговерть.
Неси судьбу свою, болезный,
По большаку уйди за рожь,
Воспоминаний нет полезней,
В них сам себя не узнаешь.
Но как ты катишься-то в непуть,
Тая растерянность в очах?
Какую весть готовишь небу,
Взирая слезно на очаг...
Нужда какая по сусекам
Скребет щеколдой у ворот.
Неужто добрая соседка
Дает полхлеба и творог...

2

В избу мотив плетется странный,
Забывтый недруг бьет челом.
Ему показываешь раны,
Мол, бесталанным, поделом.
И пополам ломает горе,
Судьбу надвое разделив.
Слезинки медленные вскоре
Взбухают, темные — до слив.
Рыданья слышатся, ведь было —
Вся жизнь дрожащая, как мать,
Как тварь, когда ее могила
Зовет сегодня умирать.
Когда приют душе получен,
Пожить бы надо, а нельзя.
Во тьме блуждает слепо лучик,
Досадно в памяти скользя.
Ведя к тому — другому месту,
У стен за церковкой пропав,
Ложась, как будто бы в отместку,
В могилу божьего раба...

И вот на исходе времен
Тебе колыбель — осока.
И вот у тропинки прямой
Знаменье твое свысока.
И вот осокори земли
Влекутся к душе головой.
У вод, утихая, замри,
Лицо увивая травой.
И нет обиталищ иных,
И зыбь у реки осокой.
И нет у души вышины,
Но счастье земли высоко.
И длится холодная муть,
За рыбы ночные глаза,
И снится неведомый путь,
И мнятся времен голоса...

Как бегу, мешает пыл,
Тьмы я пес, скиталец грязевый.
Как душа, кочую в зазимок,
Чтоб не выпачкаться в пыль.
Как склоню смиренно стан,
Каланча мое убежище.
Тусклый бес бросает лежбище,
Зазывает на майдан.
Как охотник за душой,
Пусть берет мои сокровища...
Как жену терзает кровельщик,
Каланчу в любви большой...

В даль пережитую вперясь,
Обратив судьбину вспять,
Бью веслами в низкий берег,
В три удара минув гладь.
И скольжу, воды положе,
В одиночество и явь,
И за каменный порожек,
И за жизнь к истоку вплавь...

И, кажется, боль у души истекает,
И дума крошится, судьбу объяснив.
И сердцу угодна погода такая,
И миг одинокий у берега нив.
И в нем одиноко и больно, и тихо,
И тщетны раздумья о смысле судеб.
Но голос у сердца рождается дикий,
Но тенью сдвигается, руки воздев.
Но капелька боли небес упадает,
Отрывисто, звучно летя в зеленя.
На сердце ложится тревога худая,
Но странно к утру согревая меня...

Полвека страдаю в смятенье глубинном,
Уснув у зари, устаю в забытьи.
Шумливая роща во сне голубином
Ложится к утру прожитого пути.
Душа обращается формой храма,
Свершается жизнь — обрамленьем минут.
Роса серебрится, душевная драма,
Деревья, туманы холодные льнут.
Рассеянный дух озирается быстро,
За рощею тщетно ища голубей...
И видится злоба, и слышится выстрел,
И клики лихие, и крики «Убей»!
И снится полжизни одно вознесенье,
И мнится безмолвье, и роща чужда.
И гордости мало в пространстве осеннем,
И в ярком убранстве скупая нужда.

Ненавижу, зло бери,
Нет любви, рыданье хате.
Слезы ранние зари
Из очей окошка катят.
Вздохи искренние, верь,
Ночь изводится нагая.
Стоны ненависти — зверь,
Леденя, жену пугают...

Ты влачи существование,
В дни финала угодив.
Ты отца почти вставанием,
Помяни и уходи.
Ты отца брани, уместно ли,
К смерти медленно бредя.
Окна отчие на местности
Не видать из-за дождя.
Из-за выемки у вечности,
Из-за горечи начал,
У финала бесконечности,
У надежды по ночам...

И грач улетел ощущение вещать,
И снег улежался в гуляние зим...
И теплила радости сердца свеча,
И нежности паводок неотразим.
И ты поглядела, теплом изумив,
И мне не спалось у весеннего сна.
И сердце любило на склоне зимы,
И грач убирался вещать у окна...

Глазастые выси блистали по мере,
Высокие мысли шептали о вере.
А первые думы — рассвета раденье,
Как тени угрюмо несли возрожденье.
И как-то неловко, шумливо — изветом,
Сорока-воровка трещала из веток.
И прочила козни, и прочие брани,
Вещанием поздним, молчанием ранним...

Угорелый вид ночной
У заслонки у — печной,
До скобы железной — кованой.
Полубогоревший вид,
Цвета мысленных обид,
Что скрываются засовами.
Где натыкано старья,
Где обманы для ворья
Да лопатка за дремотою,
Да зубастая скоба,
С виду личная судьба,
Но с обидною ломотою...

Живи общиной племенной,
Гони неверье за спиной.
Люби в ночи обманы сна,
Во тьме неправду опознай.
И обозначь у света ложь,
Иди с женою ты за рожь.
Друг друга нежа и шутя,
Мечтайте, скоро ли дитя?

Долго желтое полымя,
Поминание дорог...
Только памятное имя,
Доли пройденной урок.
Только надписи на плитах,
Застоялая вода,
Словно пламенный напиток
Под названьем ерунда.
Словно памятью-то тянет,
В очи отчие взглянуть...
Только тьма на отчет стане,
Только света видный путь...

Какое чаянье — влюбиться,
В каком отчаянье душа,
Любви и сердца голубица,
Покоя жрица и гроша.
Как и отчаянные вздохи,
Как и случайные черты
Души, события, эпохи,
Словесно скупю очерти.
Оков — очей очарованье,
Словес осеннюю листву
И след любви, и дарованье,
И ничего по существу...

Прежде жил ты в дыме желтом,
В редко вьющейся листве.
Прежде к ясности пришел ты,
К пониманью в голове.
Прежде вытянулся в тени,
В эти поздние цвета.
Завершились прежде деньги,
Скоро начало светать.
Прежде взялся за молитву,
Испросив прощенье тьмы.
Прежде бросился в калитку,
В ясно желтые дымы.

Ни ранней песни птицы райской,
Ни сна извилистой тропы,
Ни сердца радужные краски,
Ни время ты не торопи.
Ты преждевременные клики
Гони в открытое окно...
У перекрестка кто великий
Несется бренностью давно.
И кто смеется в пенье птицы,
Душой о бренности пропев?
Не ты ли держишься традиций,
Ты крестник — образно — тропе.
Ты крестик и у переулка,
Ты плачешь ангел мне росой...
А невдали, ступая гулко,
Смерть упивается косой...

Владыка в краю — чернозем,
Следы одинокие предка...
Мы крест одиноко несем
И здесь одиноко нередко.
И крестятся тайно уста,
Владыка, живи чернозема...
Я твой почитаю устав,
Я эхо, я крест невесомый.
Я весь одиноче тоски,
Владыка, пошли многолюдство...
Унынья уйми мне тиски,
Где дни одинокие льются...

Уже фонарный и желтушный,
На склоне тон уже забыт.
О том и помня, наши души
В грязь окунаются обид.
А то горбушкой отобедав,
Испив осенней желтизны,
Не грязно грежу, помня беды,
И грязну в шествие весны.
А то рассвет легко и близко,
Желтя, течет у фонаря.
А дома мама, моя брызги,
Бранится, что-то говоря...

Тропа берет и — круто в гору,
Поверх акации скользит.
В туманы мне забраться впору,
И осмотреться мне вблизи.
Обман узреть у мертвых высей,
Губу соленую лизнуть
И покатиться круче мыслей,
Запоминая крутизну...

В кашель ушедши, мучительно падай,
Русые волосы кружатся трав...
Деда случайно зови, как и надо,
Крохотно внуком-то спи до утра.
В каше тумана прохлады свинцовой,
Сыном иди по ночной тишине,
Внутренне чувствуя плечи отцовы,
Дикие силы не тронув о сне.
Тихо хромая, на боль припадая,
Слабую грудь остудив у росы,
Предку поплачься: судьба молодая
Быстро уходит, и силы проси...

Снова жизни светлый колер,
К слову, грудь уже слаба.
Право, радостно, доколе
Длится, пестуя, судьба.
Правда пробуется смело,
Славы складывая честь...
Разве что греша умело,
Донимает умно месть...
Разве мстительность мирволя,
На стезе судьбы творя,
Глубоко, что неба воля,
Бьется, к слову говоря...

Вороти мои глаголы,
Осветли чело морщин.
Прекрати любви расколы,
В сердце ревности мужчин.
Угоди любви и скуке —
Чувства страстные верны...
Погоди, уймутся муки,
Ты глаголы мне верни...

Мне овации все тише,
Мне страданье за измены.
Я раскаянье мотыжил,
На душе взбухали вены.
Мне ответствовали предки —
Мне дымами были хижин.
Были призраки не редко,
Опускались очи ниже.
Мне захлопали из лени,
Закричали жены дико.
Мне грозя, мелькали тени,
Аплодировали тихо...

Лиха вы не поминайте,
Если что не то, простите.
Жизни в сердце, ровно на день,
Умираю на простынке...
Не брани, жена-истица,
Отвори избы щеколду.
Приходи к утру проститься,
Не давай обиде ходу.
На простынке неопрятной
Отпираться очень глупо.
Жизнь и смерть, игра и прятки,
И жена бранится грубо...

В роду и деды, и отцы,
По роду водятся старухи.
И вроде света образцы,
Светло потомка вьются руки.
И вроде молвится глагол,
И образцово бьется разум...
И вроде ты и нищ, и гол,
И на душе светлее сразу.
Род усмиряется и все ж,
Во тьме разумности и вздора,
По роду правда есть и ложь,
И время славы, и позора...

Запылала боли-были,
Птицы-лужи зарябили,
Загуляли и ветра,
Зарядили пыль и скуку,
Напугали тихо суку,
Болью звонкого ведра.
Да полночью плеснули,
Да зарю разъяли улиц,
Да траву скосили сплошь.
Да соткали больно рядна,
Да со скуки выли ладно,
Да залаяли на ложь.

Только о счастье подумаю милой,
Сразу любви ощущение течет.
Сразу любви появляется сила,
Сразу душе от любви горячо.
Только любимые грезятся плечи,
Сразу рассвет, умирая, скользит.
Сразу недуги любимая лечит,
Сразу объятья и счастье вблизи.
Милая дух исцеляет улыбкой,
Глядя в уста, полыхая лучом.
Только на сердце и прочно, и зыбко,
Значит, люблю я, и все нипочем.
Значит, уносится боль и унынье,
Если любимая снится во сне...
Раз — и любовь улыбается ныне,
Раз — и судьба на любимом огне...

Мне кружа разнообразно,
Судьбы трогая крестом,
Мне скорбеть об иле грязном,
О степи, о мире том.
Мне и кровью обогреться,
Зла степная тетива,
Мне о брани, славы жрица,
Мне тщеславье затевать.
Мне и биться, духа сила,
Мне уйти, тщеты возня,
По степи, в останки ила,
По грязи, за тленье дня...

Полно, сердце непокорно
И бессонницы напасть.
Полно, звук искрится горний
И гудит, являя власть.
Полно мчаться, длиться гудом,
Вьюгой явною страстей,
На рассыпчатое чудо
И на множество сладостей.
Полно биться мелко в сите,
Разделив огонь и твердь,
И нечаянно насытаться,
Грохоча судьбой о дверь.
Полно значиться по веку,
Унеся тепло и стынь,
Волноваться, глядя сверху,
У смирения гордынь.

Конец избы в усадьбе хилой,
Кривое стойбище аллея.
Ты укажи придири милой,
Ее уныние жалея...
Ты расскажи, что сердце длится,
Дари слова, они вода.
И ты шути и, точно птица,
Махни, десницею ведя.
И ты лети без опоздания,
В кривое стойбище стволов,
Через усадьбу мироздания,
В избу любви, в аллею слов.
Ты усади ее на стулья,
Волненье чувствуя в крови.
Люби придиру, протестуя,
И счастье зыбкое графи...

К утру виднее благочестье,
Нежнее пламенный восход...
А мы, любя, красивы вместе,
А нам еще бы страсти год.
И нам еще, еще немного
Не уронить обличье — грязь.
И не легка любви дорога,
Она судьбе дается раз.
И дух ужасней лицемерья
Терзает ой ли, уходя...
Какие ряженные перья
Вдали у сумрака дождя.
Какие боги в созерцанье
Несутся в чувственный разор!
Нас обрета любви сердцами,
Суля и счастье, и позор...

Я храню начало рода,
Деда внук и сын отца.
Предан я земле народа,
Из начала до конца.
Я живу, родные лица,
Поминанье по летам.
Я дышу, судьбина длится,
Мне шепча: «не улетай...»
И взирая на припасы,
Плача, глядя в огород,
Я старею у гримасы,
Доверяя сыну род.
Внука я веду погостом,
К деду, спящему вдали...
Я скорблю: «да упокойся»,
Горстью мнущейся земли...

Снега летя быстрее поезда,
Снега врываются напористо,
Лик обретается седой.
Он круговерти, вьюги полымем,
Он и ветвями рощи голыми,
Былою страстью молодой.
А поезд острыми колесами,
Ветра сметая безголосые,
Стремится, вея холода!
Но ты, снежинка мне небесная,
Ты мне живая страсть — известная,
Ты в лике том, ты молода.
Ты нега и груба ты, значит,ся,
Ты чувство, что еще не начато,
За снегопад лети густой...
Снега, снежинки взмыли стаями,
И чувства искренности стаяли,
Журча житейски маятой.

Где-то раздумья отцовы,
Где-то у рощи — у пана.
Где-то и очи, что совы,
Смотрятся внука Степана.
Где-то примерно полночи,
Очи у внука пылают.
Словно совиные очи,
Словно судьба не былая.
Словно былье, Бога ради,
Словно видение, полно!
Что ты таишься, прапрадед,
В дымную папину полночь?

И лечу, пространство бездны,
Тьму угрюмую светля,
И пишу цветные песни,
И чернею, что земля.
Ничего не означая,
По земной скользя оси,
Предпочтя прохладу чая,
Уходя куда, спроси?

Муза отметила мужа усталого,
Узы накинула в плечи пологие,
Скуку избыла раздумья не малого,
Думу безлистую, горести многие.
Муза закаты рассыпала блеклые,
Разворотила заботы плечистые...
Думы бездомные, помыслы беглые
Страстью разбавила, радостью чистойю.
Радугу взора плетя многоцветную,
Душу смутила влюблено наивную.
Сердце встревожила, чистое, светлое,
Душу любви, до чего же красивую...

Покайся за ветками кроны,
На отчие глядя места.
Вдали у людей посторонних,
Строку покаянья читай.
В пыли укрывайся за сенью,
В обители судного дня...
В долине прохлады осенней
Зовет, ожидая, родня...

В осенней погоде,
Взирая на дождь,
Живя на уголье
И пестуя дочь,
Рыдал я в жилетку,
Молчал у реки,
Пуская на Лету
Былое тоски.
И скоро — довольно,
Устало засим,
Познал я невольню,
Дыхание зим.
Прогнал я убогих
И пламенно нимф,
И помнил о многих,
И скрылся, гоним.
И каялся — просинь,
И умер я, верь...
А доченька в осень
Заплакала вверх...

Судьбе так угодно и ты постарела,
Любви не хватало, ухи и тарелок.
В избе не хотела ты быть одинокой,
Дано было сердцу духовное око...
Дано было то, что неведомо смертным,
Что скрыли в леса перекрестные ветры.
Что смыли дожди, не покликали даже
Глухие суглинки у тамошних пашен.
Сырая земля у Отчизны-то милой,
Земля безответна холодной могилы...

Это вяжется рекою —
Это солнечные дни,
Эхо встречи, все такое,
Мы, река любви, одни.
Мы любовь у ренессанса,
Страсти крики — тишине...
Милый, ты ли разбросался,
Тайной милой обо мне...

Что-то выкрикнула дверца,
Что-то грянуло, смотри.
Что-то выдохнуло сердце,
Бессердечное внутри.
Что-то больно голосило
И — предсердие неслось,
Как усилие и сила,
И смирение, и злость.
То-то плакало и пело,
И морщивило лицо.
То-то страх убрался смело,
За любимое крыльцо.
То-то лунная лучина
Осветила отчий дом,
Что-то страшное случилось,
В размысленье холостом...

Судьба была предсказана,
В пророчестве идей.
Сума узлом увязана,
Обилие путей.
И вервие на талии,
И Бог давно услал,
Еще куда-то далее
Убийственного зла.
Туда, где земли выжжены
И выгнали взашей...
Худа кривая хижина,
Косая дня сажень.
И свет его сникающий,
И страшная гроза...
Судьбе наверняка еще,
Шептали голоса...

Жги костры для очищенья,
Жди желанного прощенья,
В небе ветрено свистя.
Огради в огни заставы,
Самое себя заставив,
В горе свидетелься, дитя.
Сам и сам ты, мор и язва,
Ночи темные не ясны
И не внятны соловьи.
И не выдуманы страсти,
В час Отчизны, в миг напасти,
Горе болью и слыви.
Счастье будь же суеверу,
Трудной отрочества мерой,
В буреломы горько дней...
Выживая, стань умнее,
Стало быть, и тьма темнее,
Свет же светится за ней...

Чтитель я и книжный пес,
Чтение мне дано у неба,
Чтоб я бденье жизни нес,
Чтоб я был и чтобы не был.
Чтобы классика огня
Гордо вытравила злобу.
Чтобы жизнь у смерти дня
Со страницы зрела в оба...

Закат огня и жизни лучик
Ложатся трепетно на зыбь...
Ты возлюби светлее тучи,
Дожди прощения осыпь!
Как бы нисколько не волнуясь,
Как между делом у пути,
Все поименно именуя,
Сердечно шепотом, прости!
И все тебя, приемля, слышат,
И свет уносится, посол.
Дожди прощенья льются свыше,
И солнца катится в подзол.
Как бы чудесною порою,
Блестя за веткою ветлы,
Как бы прощальною игрою,
Тебя немного осветлив...

Судьба наполнила словами
И стала пламенем огня,
Судьба махнула мне крылами,
На склоне медленного дня.
Слова судьбы, что дни недели,
И всемогущи, и слабы,
От сердца тихо полетели,
По склону жизни и судьбы.
И вдруг слова заговорили,
И правду молвили, поверь,
О том, что явно рвутся крылья,
О том, что больно мне теперь...

И образ и ты веселишься, босой,
Растрепанный волос, очей волхованье...
Но тверды лета, на душе воркованье
И пот у чела вперемежку с росой.
И собранный лик — образец у меня,
Поют у него поднебесные хоры.
Водою хлебцы запиваю не скоро
И плотского плоть усмиряю огня.
И тайну у тайны однажды скажу,
Позволю открыться душевному слуху,
Земно прикоснуться к высокому духу
И в сердце лукавство унять и ханжу...

Чтоб я страсти означал,
Зори таяли на склоне,
Чтобы долгие поклоны
Бил я кротко по ночам.
Чтобы горе той поры
Хохотало мне плакуче...
Чтобы мне смеяться лучше,
Счастье дня меня бери...

Ни бессонницы, ни сна,
Ни покоя у мужчины,
Только поздняя весна
Распускается в морщины.
Только осени лета
По челу плетутся мудро,
Страстью старости плетя,
Нескончаемое утро...

Не любимая подруга
Начинала муки дня.
И укатывала выюга,
Нелюбимого меня.
И окатывала снегом
Ненавистные уста,
На рассвете темно-пегом,
Нелюбовь и пустота...

В тревоге сознания людского,
Сплетение образа лжи,
Осеннее чувство раскола,
Религия тайны души.
И боли суровой изгнание,
И образа лживая муть,
И более страшное знание,
О том и печалишься, пусть.
Туда и веди изначально,
Реликвией, полною жертв,
Рождение «я» означая,
Ероша у пращура шерсть.
Туда и спеши ради смысла,
В тревогу, подобную мгле,
Пропахшую более кисло,
Чем образы лжи на земле.

И надломилось и треснуло,
И ничего интересного,
И задрожала земля...
И опрокинуло дерево
То, во что сердце поверило,
Страшно уже веселя.
То, что прошло, вполовину ли,
То, что тревоги покинули,
Мне о покое шепча.
То, что трещало волокнам,
То, что шептало за окнами:
Холодно-то сгоряча...

Содержание

<i>Пролог</i>	3
Родословная	6
*** Где-то и Родина мысленно мечется...	8
*** Скуку будней возлюби...	9
*** Те дрожали недалече...	10
*** Родного сада ветками...	11
*** Кочки высятся низин...	12
*** Где кротки жизни лозы...	13
*** По склону крутому породы...	14
*** Что еще весной удумал...	15
*** У места забвения предка...	16
*** Это власти воздвижение...	17
*** Храни черту в аспекте жреческом...	18
*** На рассвете золотом...	19
*** Что спешишь у мглы услышать...	20
*** Вскипая, тьма в могиле предка...	21
*** Душа ты Отечества смеляя...	22
*** Вполне затемненному солнцу...	23
*** На распутье дерева...	24
*** Ни весны, ни капли смеха...	25
*** У родни зарю влачу...	26
*** Весенние думы омоят унынье...	27

*** На вершине мастерства... ..	28
*** А за прихоть остро чувствовать... ..	29
*** Мои начинаются корни... ..	30
*** По-людски кричала дверца... ..	31
*** Петельное кряхтенье... ..	32
*** Имя-отчество из пыли... ..	33
*** Ты божился, было это... ..	34
*** Река взбухала посредине... ..	35
*** Живи со мною долго в браке... ..	36
*** Надо же, грязи на склоне... ..	37
*** Едва на отливы фронтона... ..	38
*** У родни к исходу ночи... ..	39
*** Страсть игры во мне колотится... ..	40
*** Зато у крыши лужа... ..	41
*** В краю, где времечко прошло... ..	42
*** Не страхи — настороженно... ..	43
*** Не дрова резвятся в печке... ..	44
*** Бессилье нечем-то лечить... ..	45
*** Я брат его внука, я сын его сына... ..	46
*** Мама смотрится в кого-то... ..	47
*** Пребывая в забвении... ..	47
*** Эти темно ветвистые гулы... ..	48
*** В хату отчую не въехать... ..	49
*** В тоске оживая и плача, и смеха... ..	50
*** Глянь же, мамочка, в окно... ..	51
*** Мама, выслушай вину... ..	52
*** Но если риторически... ..	53

*** До конца судьбы не зная... ..	54
*** Пытайся подняться на небо... ..	55
*** Толкуя превратно Орфея... ..	56
*** Пустые пространства исполнены мглой... .	57
*** Огня новизны не утратив... ..	58
*** У колодца души человеческой... ..	59
*** Топчи высоченные склоны... ..	60
*** Сильное ветра каченье... ..	61
*** В мире иные птица манит... ..	62
*** Крик опавшего листа... ..	63
*** Такое сюжета начало... ..	64
*** Зовущего характера зловещая судьба... .	65
*** Жил я сладко, сытно ел я... ..	66
*** Несчастно и горько смотрело лицо... ..	67
*** Лист упал, судьбу напомнил... ..	68
*** А вы, края сосновые... ..	69
*** Легли буреломы вповалку и наскоро... .	70
*** Ты древо мое мировое... ..	71
*** Внутри души одна прохлада... ..	72
*** И безмолвны словеса... ..	73
*** Кочки издерганы, ночи изорваны... ..	74
*** Легко пробирайся за чашу сосны... ..	75
*** Кровью полынь обагрят... ..	76
*** Остались одни у души впечатления... ..	77
*** Приоткрывается преданье... ..	78
*** Ты жажду испытывал часто... ..	79
*** Ветры летели настырные... ..	80

*** По ухабистой округе, за дрожащими ручьями... ..	81
*** Тело к душе прививай же молитвенно... ..	82
*** Вот и очами затронули зимы... ..	83
*** Мчись же, весточка о смерти... ..	84
*** Узреть бы края, ковылями горчащие... ..	85
*** Спокойно желтя, развивается осень... ..	86
*** Где мерклая долго сквозит пустота... ..	87
*** Никита, мой дедушка, в зиму уйдя... ..	88
*** Дай мне, Родина, обряды... ..	89
*** Я к морю тревожному долго спешил... ..	90
*** По рыхлому снегу стекая ручьем... ..	91
*** словно бы в комнате ужас... ..	92
*** Пространно, конечно... ..	93
*** Не знаю, не ведаю, Отче... ..	94
*** Счисление жизни умершей... ..	95
*** Эти ты переступи... ..	96
*** Скучно жил: еда и ложе... ..	97
*** Хмель, похмелье и борьба.... ..	97
*** Смелее, огненная львица... ..	98
*** Спустя слабосильные плечи... ..	99
*** Не осиновым ли колом... ..	100
*** Тропинка вьется как-то в сторону... ..	101
*** Уже ручьи не истекают... ..	102
*** По сему рыданье тяжко... ..	103
*** Не судьбы ли степь и власть... ..	104
*** И нынче истекло небес отдохновенье... ..	105

*** Мое воскресение снова... ..	106
*** Даже если беглый этот... ..	107
*** Сверкая прямо на хоругви... ..	108
*** В окнах искренне замерзших... ..	109
*** Мне бы на сонную скуку возни... ..	110
*** Течение странно времен... ..	111
*** Жизни здешней жребий брошен... ..	112
*** И теплый воздух у печи... ..	113
*** Проникновенье, влюбленности патока... ..	114
*** Какой-то ласковый нырок... ..	115
*** И ясное дело, пою в переводе... ..	116
*** Глянь же, мир уже не божий... ..	117
*** Вы рыдания сердечные... ..	118
*** Ты тихо страдаешь и кажется, каюсь... ..	119
*** Времена неумолимы... ..	120
*** Не душа твоя грозна... ..	121
*** Ты ледяным исполняешься гулом... ..	122
*** Граница рассвета и тьмы... ..	123
*** Извергайся крайне редко... ..	124
*** Учи меня напористо... ..	125
*** То заботиться о том... ..	126
*** Сию минуту посмотри... ..	127
*** Ты каешься пламенно, буря и тишь... ..	128
*** И признанно, что жив и бродит он по крыше... ..	129
*** В разумном сознание тревога... ..	130
*** Пусть и снег опускается в шествие весен... ..	131

*** Помутненье отринуло небыль...	132
*** Просветление тронуло очи....	132
*** И больно желание плоть утомила...	133
*** Боже, кончина видна...	134
*** Снится улицы извилина...	135
*** Одинок по взору скользя...	136
*** Ты в уме помутился, во сне...	137
*** В ярком обмане душа черно-белая...	138
*** Уже мелькали отсветы...	139
*** Пронзительно плавится проза...	140
*** Все бьется за себя...	141
*** Не кляни бесплодье духа...	142
*** Кручины злое лихолетье...	143
*** В это утро пили брагу...	144
*** И крест, и смерти нет...	145
*** Добро отрицали, творили не зло...	146

На закате золотом

*** Войди в эпоху менестрелей...	148
*** Очи и думы скрывая ладонями...	149
*** В песке и глине, возле рва...	150
*** Видишься в облике жабы...	151
*** Во тьме тебя чувственно нежит...	152
*** Мама ногу трет рукою...	154
*** Ты в гимне слыла стихотворном...	155
*** Все меньше вру себе и прочим...	156
*** Лишь удивленное счастье вдали...	157

*** Лишь утомленные близкие песни....	157
*** И мучений и сиротства...	158
*** Ветку вишни бы сломать...	159
*** Еще бы лесины — углы...	160
*** Любви и страсти соответственно...	161
*** Тебе, любовь и сила...	162
*** Снова снится журавль у кормила...	163
*** Гляди, заборы ветхие...	164
*** Не плачь и не молчи.....	164
*** Ты забудь о настоящем...	165
*** Смотри же, соседка козу бьет...	166
*** В смеси глины и песка...	167
*** Сто раз условно именем...	168
*** Не вьюгою ужасною...	169
*** Творя задушевные слогИ...	170
*** Отчего душе тревожно...	171
*** Шумя тоскующими днями...	172
*** Соответственно эпохе...	173
*** Речи мне обыкновенны...	174
*** И невидима ты в прахе...	175
*** Не дождешься ты признанья...	176
*** Прости, но зверем яростным...	177
*** Замелькали поверху щенки...	178
*** Все равно тоска и горе...	179
*** Хребта нуда родимая...	180
*** Ты с пригорка улетай...	181
*** И за сонные кусты...	182

*** К восходу уйду далеко... ..	183
*** О пришествии и — слух.....	184
*** Все выстраивали годы... ..	185
*** Не речью энергичною... ..	186
*** Верное счастье потрогай рукой... ..	187
*** Клубится овес облаками... ..	188
*** Нужно ли шум поднимать?... ..	189
*** Ты главу-то не повесил... ..	190
*** Пламя, объявшее милые чащи... ..	191
*** И сонное начало	192
*** Смерть идя к полночи... ..	193
*** С тобою мысленно вдвоем... ..	194
*** Звуки роятся ветрами... ..	195
*** Годы были хороши... ..	196
*** Еще мошку на лацкане... ..	197
*** А друга боль и клич, а крик его последний... ..	198
*** Я пил усталого лица... ..	199
*** Иду по лестнице небесной... ..	200
*** Немота — моя эпоха... ..	201
*** Ты памяти дары... ..	202
*** Таятся тайны наши... ..	203
*** Где ты стороною приветной... ..	204
*** У степи — судьбы былины... ..	205
*** Темнота светлее тьмы... ..	206
*** Последние речи любимых... ..	207
*** В глаза на рассвете порой... ..	208
*** Спешите стоки красно-бурые... ..	209

*** Верчение лютого вепря... ..	210
*** Отцы мои страдая впусе... ..	211
*** Осень, улица сырая... ..	212
*** Вещая, твой ангел особо	213
*** Блесни у оврага... ..	214
*** Иди, размышляй о предмете... ..	215
*** Горчи, полынь, скрывая осыпь... ..	216
*** К свету святых улетаю посмертно... ..	217
*** Видно, жалкое подворье	218
*** Ледяная ручистая сила... ..	219
*** Это счастье души... ..	220
*** Зыбкое ложе покоя лесного... ..	221
*** Глас изменщицы раздался... ..	222
*** Храни дитя пристойное... ..	224
*** Касайся детства тихо грустью... ..	225
*** Иди, сухостой ломая и поросли... ..	226
*** Я маленький и глупый... ..	227
*** Пади на колени, но прежде молиться... ..	228
*** Мне ответило тайное око... ..	229
*** Во сне смеется дочка спешно... ..	230
*** Брось же медленное бремя... ..	231
*** Не показывайся старцем... ..	232
*** В память иную не влезть... ..	233
*** Не пугай меня, русалка... ..	234
*** И очей не оторвать... ..	235
*** Осознавать уму прелестно... ..	236
*** Живи у реки, невдали — у народа... ..	237

*** Поди, подкашивает ноги...	238
*** И вот на исходе времен...	240
*** Как бегу, мешает пыл...	241
*** В даль пережитую вперясь...	242
*** И, кажется, боль у души истекает...	243
*** И зори легли на липучие глины...	244
*** Полвека страдаю в смятенье глубинном...	245
*** Ненавижу, зло бери...	246
*** Ты влачи существование...	247
*** И грач улетел ощущение вещать...	248
*** Глазастые выси блистали по мере...	249
*** Угорелый вид ночной...	250
*** Живи общиной племенной...	251
*** Долго желтое полымя...	252
*** Какое чаянье — влюбиться...	253
*** Прежде жил ты в дыме желтом...	254
*** Ни ранней песни птицы райской...	255
*** Владыка в краю — чернозем...	256
*** Уже фонарный и желтушный...	257
*** Тропа берет и — круто в гору...	258
*** В кашель ушедши, мучительно падай...	259
*** Снова жизни светлый колер...	260
*** Вороти мои глаголы...	261
*** Мне овации все тише...	262
*** Лиха вы не поминайте...	263
*** В роду и деда, и отцы...	264
*** Запылала боли-были...	265

*** Только о счастье подумаю милой... ..	266
*** Во тьме ничего, кроме дыма деревьев... ..	267
*** Мне кружа разнообразно... ..	268
*** Полно, сердце непокорно... ..	269
*** Конек избы в усадьбе хилой... ..	270
*** Дорогие пути и усталые, мудрые доводы....	271
*** К утру виднее благочестье... ..	272
*** Я храню начало рода... ..	273
*** Снега летя быстрее поезда... ..	274
*** Где-то раздумья отцовы... ..	275
*** И лечу, пространство бездны... ..	276
*** Муза отметила мужа усталого... ..	277
*** Покайся за ветками кроны... ..	278
*** В осенней погоде... ..	279
*** Это вяжется рекою... ..	281
*** Что-то выкрикнула дверца... ..	282
*** Судьба была предсказана... ..	283
*** Жги костры для очищенья... ..	284
*** Читатель я и книжный пес... ..	285
*** Закат огня и жизни лучик... ..	286
*** Судьба наполнила словами... ..	287
*** И образ и ты веселишься, босой... ..	288
*** Чтоб я страсти означал... ..	289
*** Не любимая подруга.... ..	290
*** В тревоге сознания людского... ..	291
*** И надломилось и треснуло... ..	292

Литературно-художественное издание

Сендер Анатолий Никифорович

РАЗВОЛНОВАННЫЕ КРЫЛЬЯ

Стихи

Ответственный за выпуск *А. Н. Вараксин*
Компьютерная верстка *Л. В. Алифанова*

Подписано в печать 16.04.2009. Формат 60x84/32.
Бумага офсетная. Гарнитура КопппаС.
Усл. печ. л. 8,83. Уч.-изд. л. 9,5. Тираж 50 экз.
Заказ 21.

Издатель и полиграфическое исполнение:
издатель А.Н. Вараксин
ЛИ № 02330/0131774 от 06.03.2006.
E-mail: editpol@tut.by